

Ваксинер Угелн о... зоромо.wo бр...

Проф. С. С. Базинеръ.

ИДЕЯ

О ПРОШЕДШЕМЪ И БУДУЩЕМЪ

ЗОЛОТОМЪ ВЪКЪ ЧЕЛОВЪЧЕСТВА.

Изъ журнала Русская Мысль, кн. XI, 1902 года.

МОСКВА.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пименовская ул., с. д.
1902.

Проф. С. С. Базинеръ.

ИДЕЯ

О ПРОШЕДШЕМЪ И БУДУЩЕМЪ

ЗОЛОТОМЪ ВЪКЪ ЧЕЛОВЪЧЕСТВА.

Изъ журнала Русская Мысль, кн. XI, 1902 года.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 77
Tel. 26-68-63

МОСКВА.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пименовская ул., с. д.
1902.

Доволено цензурою. Москва, 15 ноября 1902 года.

24.045

Идея о прошедшемъ и будущемъ золотомъ вѣкѣ человѣчества *)).

Кому не памятна та чудная «вечерняя сцена» Гётевскаго Фауста, въ концѣ которой Маргарита, украшая себя передъ зеркаломъ драгоценностями, поставленными Мефистофелемъ тайно въ ея шкафъ, горестно восклицаетъ:

Ахъ, эти серьги хоть,—пускай мнѣ подарятъ!
Сейчасъ я въ нихъ уже совсѣмъ другая!
Къ чему намъ красота, и кровь въ насъ молодая?
Все это хорошо,—вотъ невидадь какая!
На это все едва глядятъ!
Всѣ къ золоту бѣгутъ, всѣхъ къ золоту лишь тянетъ!
А мы бѣдняжки, мы! На насъ никто не взглянетъ! **)

Какъ бы мѣтко, однако, великій поэтъ-реалистъ ни характеризовалъ этими словами ту громадную роль, которую золото стало играть въ человѣческой жизни съ тѣхъ поръ, какъ оно сдѣлалось важнѣйшимъ и драгоценнѣйшимъ изъ мѣновыхъ средствъ, съ помощью которыхъ люди удовлетворяютъ главнымъ образомъ своимъ матеріально-чувственнымъ потребностямъ, и какъ бы часто это средство изъ слуги человѣка ни превращалось въ его властелина, имѣющаго весьма пагубное вліяніе на него и склоняющаго его то къ алчности и скупости, то къ невоздержности и расточительности, то даже къ обманчивымъ, насильственнымъ и вообще преступнымъ дѣйствіямъ, но въ лучшіе моменты своей жизни большинство людей всетаки не признаетъ надъ собой власти золота и несравненно выше всѣхъ приобретаемыхъ имъ матеріальныхъ благъ жизни ставить свои чисто-духовныя и идеальныя блага, не позволяя «презрѣнному ме-

*) Двѣ публичныя лекціи, прочитанныя 21 и 24 апрѣля 1901 г. въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ.

**) Переводъ П. Трунина.

Nach Golde drängt,
Am Golde hängt
Doch Alles. Ach, wir Armen!

таллу» осквернять священной области этих послѣднихъ и опровергая такимъ образомъ основательность неограниченно-пессимистическаго воззрѣнія на характеръ людской жизни, какое высказалъ, напр., Пушкинъ въ извѣстномъ четверостишіи:

Все мое, сказала злато;
Все мое, сказалъ булатъ.
Все куплю, сказала злато;
Все возьму, сказалъ булатъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество стало возвышаться надъ грубыми животными инстинктами первобытнаго существованія, предпочтеніе, даваемое духовно-идеальнымъ благамъ передъ чувственно-матеріальными, все болѣе и болѣе считалось и будетъ считаться признакомъ дѣйствительно достойной человѣка жизни. Нѣкогда аѳинскій народъ, по словамъ философа Сенеки *), во время представленія одной трагедіи Эврипида, въ которой прославлялось золото, какъ высшее благо міра, превосходящее даже любовь къ родителямъ и къ дѣтямъ, пришелъ въ такое негодованіе, что хотѣлъ было не только провалить всю пьесу, но даже выгнать изъ театра того актера, который произнесъ эти слова. Этотъ фактъ, подобныхъ которому можно было бы привести безчисленное множество, лучше всего доказываетъ, насколько люди въ глубинѣ души своей презираютъ и осуждаютъ всякаго, признающаго единственнымъ кумиромъ своимъ золото, какъ средство достиженія преимущественно матеріальныхъ благъ, и насколько выше ихъ они цѣнятъ свои чисто-духовныя потребности, соответствующія идеаламъ ума и сердца.

Въ числѣ идеаловъ, влиянію которыхъ люди то сознательно, то бессознательно подчиняютъ свою духовную жизнь, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ идея о первоначальномъ и будущемъ блаженствѣ человѣчества, служащая предметомъ нижеслѣдующаго этюда. Правда, и эту идею люди облекли въ блестящій образъ драгоцѣннѣйшаго металла земли, говоря о «золотомъ» вѣкѣ нашего рода; но въ этомъ поэтически-символическомъ образѣ, обоснованномъ на красивомъ блескѣ, на таинственномъ мѣсто-нахожденіи и на прочности и цѣнности золота, послѣднее является уже не реально-низкой, но идеально-возвышенной исходной точкой и цѣлью человѣческихъ стремленій. Вотъ почему всѣ представленія людей о золотомъ вѣкѣ мы по справедливости могли бы выразить антитезою *Lezay de Marnézia*: «L'âge d'or était l'âge où l'or ne regnait pas», дополняя эту антитезу съ своей стороны другою: «L'âge d'or sera l'âge où l'or ne regnera pas».

I.

Въ исторіи представленій о золотомъ вѣкѣ человѣчества, относящихся этотъ вѣкъ къ двумъ противоположнымъ полюсамъ земного существованія нашего рода, къ началу и къ концу его, первое по времени мѣсто занимаютъ, очевидно, тѣ сказанія миѳически-религіознаго характера, соглас-

*) *Seneca*: „Epist. moral.“ XIX, 6, § 14—15.

но которымъ лучшею порой жизни человѣчества, порою полного благоденствія и счастья, было ея начало, облитое чуднымъ золотымъ свѣтомъ утренней зари. Такія сказанія мы находимъ въ старинныхъ мифахъ почти всѣхъ народовъ древнихъ и новыхъ временъ, которые играли какую-нибудь выдающуюся роль въ исторіи. Если оставить тутъ въ сторонѣ ученіе египтянъ о послѣдовательномъ царствованіи на землѣ боговъ, полу-боговъ, мановъ и людей, то наиболѣе древними, подробными и любопытными сказаніями о первоначальномъ блаженствѣ человѣчества являются, повидимому, тѣ, которыя встрѣчаются въ литературахъ индо-европейскихъ народовъ, въ особенности древнихъ индійцевъ, персовъ, грековъ и римлянъ, а также въ литературѣ евреевъ.

Не имѣя возможности разбирать здѣсь вопросъ о томъ, у какого изъ названныхъ народовъ эти сказанія возникли раньше всего и сохранились до насъ въ наиболѣе первобытной формѣ, мы предпочитаемъ изложить ихъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ сами эти народы выступали другъ за другомъ въ исторіи. Я уважу здѣсь прежде всего на встрѣчающіяся во многихъ произведеніяхъ санскритской литературы и въ особенности въ Магабгаратѣ *) теоріи древнихъ индійскихъ брамановъ о четырехъ «juga» или вѣкахъ человѣчества, постоянно возвращающихся въ круговоротѣ временъ. Согласно этой теоріи индійцевъ, въ первомъ вѣкѣ или въ вѣкѣ совершенства и истины (Krita - или Satja-juga) царитъ одно только полное право, состоящее изъ всѣхъ четырехъ четвертей своихъ; вмѣстѣ съ нимъ «существуютъ одни нравы, одинъ образъ мыслей, одно стремленіе; все направлено къ одной цѣли, къ почитанію свѣтлаго божества Вишну».

Въ этотъ вѣкъ «не существуетъ ни болѣзней, ни ослабленія чувствъ, ни вражды, ни злобы, ни страха, ни зависти, ни ревности. Всѣ одинаково исполняютъ свои обязанности и совершенно равнодушны ко всѣмъ предметамъ». Во второмъ вѣкѣ или Trêtâ-juga право уменьшается на одну четверть, и вѣчное божество Вишну изъ свѣтлаго дѣлается мрачнымъ; тогда-то впервые возникаютъ жертвоприношенія и разные нравы, обычаи, аффекты и стремленія, согласно которымъ люди при исполненіи своего долга добиваются плодовъ святыхъ дѣлъ и милостыни. Въ третьемъ вѣкѣ (Dvâraja-juga) право уменьшается до двухъ четвертей, и Вишну дѣлается желтымъ. Вмѣсто одной Веды люди сочиняютъ нѣсколько Ведъ, и обряды становятся разнообразными. Многіе отпадаютъ отъ добраго начала и дѣлаются вслѣдствіе этого жертвами всякаго рода страстей, бѣдствій и печалей, подвергаясь въ то же время разнымъ болѣзнямъ, пока не погибаютъ вслѣдствіе недостатка права. Въ четвертомъ вѣкѣ, наконецъ, или въ вѣкѣ мрака (Kali-juga) право состоитъ только изъ одной четверти, и Вишну дѣлается чернымъ. Постановленія Веды и жертвенные обряды перестаютъ

*) Кн. III, ст. 11234 сл. Ср. *Rudolf Roth*: „Der Mythos von den fünf Menschengeschlechtern bei Hesiod und die indische Lehre von den vier Weltaltern“ (Tübingen, 1860), стр. 21 сл.

соблюдаться, и «повсюду распространяются болѣзни, мученія, изнеможеніе, гнѣвъ и другіе пороки, бѣдствія, заботы, голодь и страх».

Болѣе пластичными, чѣмъ въ этой религіозно-философской теоріи индійскихъ брамановъ, представляются намъ остатки міеа о первоначальномъ блаженствѣ человѣчества въ сказаніяхъ древнихъ иранцевъ или персовъ. Согласно религіозному ученію этого народа, изложенному въ священныхъ книгахъ Зендавесты или Авесты, которые содержатъ также Зороастрово законоположеніе, наши прародители Mashya и Mashyâna, родившіеся изъ сѣмени перваго человѣка Гаіомарда, сотвореннаго Ормуздомъ, богомъ свѣта и добра, жили вполнѣ невинными и счастливыми въ обильномъ всякими благами земномъ раю, похожемъ на небесный рай. Такъ длилось до тѣхъ поръ, пока Ариманъ, богъ тьмы и зла, не спустился на землю въ образѣ змѣи, чтобы обманомъ и ложью смутить души людей и разстроить ихъ жизнь. Одержавъ первую побѣду надъ Mashya и Mashyâna, геній зла явился къ нимъ во второй разъ, принеся имъ плоды, отъ которыхъ они и вкусили, вслѣдствіе чего лишились множества даровъ и преимуществъ, которыми до того пользовались. Обольщенные затѣмъ въ третій разъ, наши прародители начали пить молоко, а послѣ четвертаго совращенія стали ходить на охоту, ѣсть мясо убитыхъ ими звѣрей и дѣлать себѣ одежду изъ ихъ шкуръ. Затѣмъ они открыли желѣзо и помощью его срубили деревья, чтобы построить себѣ хижину. Наконецъ, они познали себя, какъ мужчина и женщина, а потомство ихъ, унаслѣдовавъ всѣ бѣдствія родителей, стало настолько руководиться злобою и взаимной завистью, что жизнь людей походила на всеобщую войну; тогда, наконецъ, явился къ нимъ великій пророкъ и учитель добра Заратустра (Зороастръ) *).

На ряду съ этими сказаніями иранцевъ, изложенными въ Бундехешѣ (глава 15-я), въ болѣе древнихъ частяхъ Авесты **) встрѣчаются еще другія, аналогичныя сказанія о первоначальномъ блаженствѣ человѣчества, которыя относятся не къ Mashya и Mashyâna, а къ Имѣ или Іему, какъ первому человѣку или царю иранцевъ, сыну, несомнѣнно, солнечнаго божества Вивангванта. Эти древне-иранскія сказанія гласятъ, что на возвышающейся до небесъ и орошаемой чуднымъ источникомъ Ардвигурою горѣ Гара-Березанти (позднѣйшей Албори), вокругъ которой ходятъ солнце, луна и звѣзды, и гдѣ не знаютъ ни ночи, ни тьмы, ни жаркихъ, ни холодныхъ вѣтровъ, среди полнаго счастья жилъ Има или Іемъ, «свѣтлѣйшій между рожденными и солнце-подобный между людьми»; жилъ онъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Ормуздомъ, подателемъ всѣхъ благъ. Получивъ отъ божества золотой мечъ и золотое кольцо, какъ символы власти, онъ настолько праведно и счастливо царствовалъ надъ землею,

*) См. *Zend-Avesta* во французскомъ переводѣ *Anquetil-Duperron'a* (Paris, 1771), vol. III, p. 351 sqq.

**) „Vendidad“ 2, 1 sqq. „Yaçna“ 9, 13 sqq. „Vescht“ 5, 24; 9, 8; 15, 15 и въ другихъ мѣстахъ. Ср. *Spiegel*: „Eranische Alterthumskunde“ 1, p. 522 sqq. Его же: „Die arische Periode und ihre Zustände“, p. 243 sqq.

что она, какъ гласить разсказъ Авесты, «наполнилась животными, скотомъ, людьми, псами, птицами и огнями красными, пылающими» и, по велѣнію властителя своего, нѣсколько разъ должна была раздвинуться, чтобы дать мѣсто вѣмъ жившимъ на ней существамъ. Однако, этому блаженному состоянію, когда люди, какъ разсказывается, не знали «ни мороза, ни зноя, ни старости, ни смерти, ни зависти», не суждено было продолжаться вѣчно. Предвидя страшную зиму, послѣ которой обильная вода, вслѣдствіе таянія снѣговъ, затопитъ всю землю, Ормуздъ приказываетъ Имѣ развести на горѣ четырехугольный садъ, окруженный крѣпкою оградой, снести туда «сѣмена лучшихъ людей, животныхъ и растений, а также огней красныхъ, пылающихъ», и запереть ворота и окно, впускающее солнце въ середину. Въ этомъ саду, среди котораго находятся два чудныхъ дерева, одно, носящее названіе «безпечальнаго», а другое—по имени Хаома, растущее въ источникѣ жизни Ардвигурѣ и дарящее всякому, вкушающему его сокъ, безсмертіе, обитатели земли продолжаютъ жить въ невозмутимомъ блаженствѣ, нетронутые бѣдствіями, постигающими остальной міръ, и не зная, какъ выражается Авеста, «ни споровъ, ни навѣтовъ, ни грубости, ни невѣрія, ни бѣдности, ни обмана, ни низкаго роста, ни уродливости, ни выломанныхъ зубовъ, ни чрезмѣрной тучности, ни какого бы то ни было изъ другихъ недостатковъ».

Большое сходство съ этими иранскими мѣтами представляютъ аналогичныя сказанія древнихъ евреевъ *), изложенныя въ книгѣ Бытія. Согласно этимъ сказаніямъ, первая пара людей, Адамъ, т.е. «человѣкъ», созданный по образу и подобию Божьему, и Ева, его жена, проводили свою блаженную жизнь въ Эдемѣ, т.е. въ прекрасномъ саду или въ земномъ раю, кругомъ орошаемомъ четырьмя рѣками и изобиловавшимъ всякими благами. Жили они такъ до тѣхъ поръ, пока, по наущенію змѣи, не съѣли плода съ древа познанія добра и зла, послѣ чего были изгнаны изъ рая, а потомство ихъ, все болѣе и болѣе ухудшавшееся, было истреблено всемірнымъ потопомъ. Второй вѣкъ начался эпохою происхожденія новаго человѣческаго рода, третій—эпохою переселенія Авраама, а четвертый, историческій,—эпохою кончины третьяго патріарха Іакова-Израиля, родоначальника израильскаго народа.

Послѣ замѣчательныхъ находокъ, сдѣланныхъ главнымъ образомъ знаменитымъ ассиріологомъ Smith'омъ въ семидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія въ Ассиріи и въ Вавилоніи, мы познакомились, между прочимъ, изъ найденныхъ тогда клинообразныхъ надписей съ чрезвычайно древними разсказами (аккадійско-халдейскаго происхожденія) о райскомъ садѣ, называемомъ въ нихъ «садомъ бога Дунна», о грѣхопадении и о потопѣ **).

*) Ср. *Ewald*: „Geschichte des Volkes Israel“ I, p. 54 и 344 sqq.

***) Ср. *George Smith*: „Assyrian discoveries“ (London, 1875) и „Chaldean account of the genesis“ (2-е изд. London 1880). *Paul Haupt*: „Der keilinschriftliche Sintflutbericht. Eine Episode des babylonischen Nimrodepos“ (Leipzig, 1881). *Fr. Delitzsch*: „Wo lag das Paradies?“ (Leipzig, 1881). *F. Kaulen*: „Assyrien und Babylonien“ (3-е изд. Freiburg, 1885). *Carus Sterne*: „Plaudereien aus dem Paradiese“ (Wien und Teschen, 1886).

Точно также тогда намъ стало извѣстно скульптурное изображеніе мужчины и женщины, протягивающихъ свои руки къ плодамъ стоящаго передъ ними дерева, въ то время какъ за женщиной поднимается змѣя, повидимому, шепчущая ей что-то на ухо. Весьма вѣроятно, что эти письменные и фигурные памятники, отличающіеся чрезвычайной древностью, представляютъ прототипы не только ассирійскихъ и еврейскихъ, но также иранскихъ (и другихъ индо-европейскихъ) сказаній о «райскомъ» садѣ и первоначальномъ блаженствѣ человѣчества, такъ же какъ и о потопѣ, и что такимъ образомъ основы всѣхъ приведенныхъ мною до сихъ поръ и далѣе приводимыхъ мною мифовъ древнихъ народовъ относятся къ отдаленнѣйшей доисторической эпохѣ, т.-е. къ тому времени, когда, быть можетъ, еще не произошло раздѣленія отдѣльныхъ народовъ туранскаго, арійскаго и семитскаго племенъ, и когда они всѣ вмѣстѣ жили въ своей первоначальной, до сихъ поръ еще не вполне достоверно установленной наукою, родинѣ.

Переходя къ аналогичнымъ представленіямъ о первобытной счастливой жизни человѣчества, встрѣчающимся у другихъ народовъ *), мы увидимъ, что въ наиболѣе поэтическомъ видѣ, хотя и не лишенномъ еще нѣкоторыхъ наивно-матеріалистическихъ чертъ, древній мифъ о прежнемъ блаженствѣ и послѣдовательномъ вырожденіи человѣческаго рода представляется намъ греческими и римскими поэтами и философами **); у нихъ мы впервые находимъ и обозначеніе эпохъ этого вырожденія названіями разныхъ уступающихъ другъ другу въ цѣнности металловъ. Вотъ картина перваго или золотого поколѣнія людей, которую древній бѣотійскій пѣвецъ Гесіодъ, жившій въ VIII столѣтіи до Р. Хр., рисуетъ намъ въ своей дидактической поэмѣ «О дѣлахъ и дняхъ»:

Родъ золотой всѣхъ смертныхъ людей сотворенъ былъ вначалѣ
Властью безсмертныхъ боговъ, обитающихъ въ выси Олимпа.
(Онъ проводилъ свою жизнь при Кроносѣ, властителѣ неба).
Съ сердцемъ свободнымъ отъ всякихъ заботъ, безъ трудовъ и безъ горя
Жили тѣ люди, какъ боги, и старости дряхлой не знали,
А, сохраняя всецѣло себѣ свои ноги и руки,
Дни проводили въ веселыхъ играхъ, далеко отъ всѣхъ бѣдствій,
И умирали какъ будто во снѣ; при жизни имѣли
Всякія блага они; плодородное поле давало

*) Идею о блаженствѣ первыхъ людей мы находимъ даже у такихъ малокультурныхъ народовъ, каковы цыгане Трансильваніи (ср. *Wislocki*: „Vom wandernden Zigeunervolke“, p. 267), остъ-индскіе мундари, поклоняющіеся еще нынѣ солнцу какъ верховному божеству (ср. *Nottrott*: „Die Gossnersche Mission unter den Kolths“, p. 59), малайскіе жители острововъ Палау (ср. *Bastian*: „Allerlei aus Volks- und Menschenkunde“ I, 54), американскія племена майду въ Калифорніи (ср. „Contrib. to North-American ethnology“ III, p. 290), папаго въ Мексикѣ и Соединенныхъ Штатахъ (ср. *Bancroft*: „Native races of the Pacific States“ III, p. 76) и др.

***) Ср. *Klingender*: „De aureae aetatis fabula disputatio“ (Программа гимназіи въ Касселѣ, 1856 г.); „Das goldene Zeitalter“ (Berlin, 1879); *Graf*: „Ad aureae aetatis fabulam symbola“ (Diss. inaug., Lips. 1884).

Имъ добровольно плоды, и они предавались, счастливы,
Въ тихомъ покоѣ занятъямъ своимъ среди многихъ сокровищъ,
(Много имѣя и стадъ, какъ любимцы блаженныхъ безсмертныхъ) *).

Вслѣдъ за этимъ счастливымъ во всѣхъ отношеніяхъ или золотымъ поколѣніемъ людей, сдѣлавшихся, послѣ тихой смерти своей, какъ прибавляетъ Гесіодъ, надземными добрыми духами, хранителями человѣка, явилось второе или серебряное поколѣніе, которое, хотя по своимъ качествамъ и уступало первому и за свое непочитаніе боговъ даже было истреблено Зевсомъ, но все таки удостоилось «чести» послѣ смерти продолжать свое существованіе въ видѣ подземныхъ демоновъ или духовъ мрака. Эти два поколѣнія людей, являющіяся у Гесіода какъ бы отдѣленными отъ послѣдовавшихъ за ними поколѣній, смѣнились сперва мѣднымъ поколѣніемъ, происшедшимъ изъ ясеней и, благодаря суровымъ и дикимъ нравамъ своимъ, предававшимся одному только военному дѣлу, а затѣмъ поколѣніемъ величественныхъ и праведныхъ героевъ, участвовавшихъ въ походахъ противъ Фивъ и Трои и послѣ смерти своей поселенныхъ Зевсомъ на островахъ блаженныхъ, находящихся на краю свѣта. Тамъ они въ покоѣ и невозмутимомъ счастіи наслаждаются богатыми дарами плодородной земли. За этимъ поколѣніемъ героевъ, присочиненнымъ, повидимому, самимъ Гесіодомъ и помѣщеннымъ имъ вслѣдъ за третьимъ или мѣднымъ поколѣніемъ древнихъ сказаній, наступило, наконецъ, послѣднее, т.-е. пятое (по Гесіоду) или четвертое (по счету, кажется, древнѣйшихъ сказаній) и наихудшее, желѣзное поколѣніе, которое настолько погрязло во всевозможныхъ порокахъ, бѣдствіяхъ и печаляхъ, что поэтъ, считая себя самого современникомъ этого испорченного и несчастнаго рода людей, обреченнаго на вырожденіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы надеясь на наступленіе въ круговоротѣ временъ новаго, лучшаго поколѣнія, горестно восклицаетъ:

«О, еслибъ раньше я умеръ или позже на свѣтъ сей родился!» **).

Ярче и сильнѣе, чѣмъ въ Гесіодовомъ описаніи человѣческихъ поколѣній, этическая сторона древняго міа о золотомъ вѣкѣ выступаетъ въ позднѣйшихъ обработкахъ этого міа, которыя, очевидно, носятъ на себѣ слѣды нравственныхъ ученій окрѣпшей тѣмъ временемъ греческой философіи. Такъ, напр., Эмпедоклъ говорилъ, что въ теченіе золотого вѣка въ природѣ царилъ вѣчная весна, а среди людей вѣчный миръ, любовь и набожность. Тогда не воевали, не приносили кровавыхъ жертвъ, не убивали и не ѣли никакихъ животных ***). Когда Пифагоръ, знаменитый самосскій философъ и основатель обширной школы въ г. Кротонѣ, давалъ своимъ ученикамъ, въ числѣ которыхъ находился и упомянутый только

*) *Hesiodos*: „Ἐργα καὶ ἡμέραι“, v. 109 sqq. Переводъ сдѣланъ мною по тексту изданія Flach'a (Berlin, 1874).

**) *Hesiodos*, l. c., v. 174 sq.

***) „*Empedoclis fragmenta*“, ed. Sturz 305 (у *Mullach'a*: „*Fragm. philos. graec.*“ I, 12 sqq.: „*Empedoclis carmina*“, v. 417 sqq.).

что Эмпедоклъ, наставленія для жизни и, между прочимъ, какъ разсказываютъ, требовалъ отъ нихъ воздержанія отъ мяса, онъ, повидимому, руководился такими же представленіями о прошедшемъ золотомъ вѣкѣ чело-вѣчества *). Наиболѣе полной въ этомъ отношеніи является картина, которую величайшій греческій философъ Платонъ со врожденной ему поэтической фантазіей нарисовалъ объ этомъ блаженномъ времени. По его словамъ **), золотое поколѣніе людей жило подъ непосредственнымъ покровительствомъ и руководствомъ многочисленныхъ демоновъ или добрыхъ духовъ-хранителей, нарочно назначенныхъ для этой цѣли верховнымъ божествомъ Кроносомъ, вслѣдствіе чего ссоры, раздоры и войны не были знакомы ни людямъ при ихъ сношеніяхъ другъ съ другомъ или съ животными, ни даже самимъ этимъ животнымъ. Всѣ жили въ полномъ мирѣ и благоденствіи, упражняясь только въ добродѣтели; благодаря отсутствію золота и серебра, люди тогда не знали ни богатства, ни бѣдности, а вмѣстѣ съ тѣмъ имъ чужды были какъ заносчивость и несправедливость, такъ и ревность и зависть; одной изъ важнѣйшихъ причинъ такого благоденствія, поддерживаемаго изобиліемъ плодовъ, которые тогда вѣчно цвѣтущая земля добровольно и безъ обработки давала людямъ, служило, по воззрѣніямъ Платона, являющимся отъликомъ подобныхъ же воззрѣній Гесіода (въ «*Теогоніи*», ст. 570 и сл.), то обстоятельство, что въ золотомъ вѣкѣ не существовало различія половъ, и поэтому не было ни браковъ, ни дѣторожденій, а люди происходили изъ земли и возвращались къ ней въ видѣ сѣмянъ для новой жизни.

Подобно Платону, и философы другихъ школъ, какъ перипатетикъ Диеархъ ***) и въ особенности стоики, развивали древній мифъ о золотомъ вѣкѣ, главнымъ образомъ, въ этическомъ направленіи. Такъ, жившій въ третьемъ столѣтіи до Р. Хр. стоическій поэтъ Аратъ въ своей поэмѣ о явленіяхъ звѣзднаго неба, позднѣе переведенной на латинскій языкъ Варрономъ Атацинскимъ, а также Цицерономъ, Овидіемъ, Германигомъ и Авіенномъ, изображаетъ намъ время золотого поколѣнія людей самымъ блаженнымъ временемъ жизни челоуѣчества ****). Тогда люди, руководимые пребывавшей еще на землѣ богиней справедливости Дикою (*Δίκη*), прозванною звѣздной дѣвою (Астреей), жили въ полномъ взаимномъ согласіи и мирѣ, не зная ни раздоровъ, ни войнъ, ни торговли, ни мореходства. Занимались они только обработываніемъ земли, которая, благодаря благословенію Дики, доставляла имъ въ изобиліи всякаго рода плоды. За этимъ золотымъ поколѣніемъ людей послѣдовало, по описанію Арата, худшее, серебряное, которое, въ свою очередь, смѣнилось мѣднымъ, послѣднимъ, на-

*) См. *Ovidius*: „*Metamorph.*“ XV, 96 sqq.

**) Ср. діалоги *Платона*: „*Philebos*“ 6, 16 C; „*Politikos*“ 15, 271 D sqq; „*Nomoi*“ III, 2, 679 и IV, 6, 713 C sqq.

***) См. *Porphyrius*: „*De abstinentia*“ 4, 2.

****) *Aratus*: „*Φαινόμενα καὶ Διοσημεῖα*“, ст. 100 и сл.

столько погрязшимъ въ порокахъ, что богиня Астрея покинула землю и вознеслась обратно къ своему небесному жилищу.

Подобныя описанія золотого вѣка мы встрѣчаемъ также у римскихъ писателей, въ особенности поэтовъ, и не только у переводчиковъ «Феноменовъ» Арата *), но и у многихъ другихъ, какъ, напр., у Вергилія **), Тибулла ***) , Овидія ****) и Ювенала *****). Въ особенности извѣстно то талантливое изображеніе этого вѣка, которое мы находимъ въ первой книгѣ «Превращеній» Овидія, яркими красками рисующаго здѣсь послѣдовательное вырожденіе человѣчества въ четырехъ вѣкахъ: золотомъ, серебряномъ, мѣдномъ и желѣзномъ. Вотъ что поэтъ говоритъ о первомъ изъ этихъ вѣковъ:

Первымъ вѣкъ золотой народился, который безъ кары,
Добровольно, не зная законовъ, блюлъ вѣрность и правду.
Казни и страха не вѣдали, грозныхъ словесъ не писали
На мѣди, и толпа молящихъ еще не боялась
Лица судьи своего, а все безъ судей были цѣлы.
Срубленная на родимыхъ горахъ сосна, чтобъ увидѣть
Чуждыя страны, еще не спускалась въ текущія волны;
Смертные кромѣ своихъ береговъ никакихъ не знавали.
Не окружали еще городовъ глубокими рвами;
Тутъ ни трубъ изъ прямой, ни роговъ изъ мѣди загнутой
Не было, ни мечей, ни шоломовъ. Не зная солдата,
Люди сладкій досугъ безопасно тогда проводили.
Ни киркой не затронута, ни уязвленная плугомъ,
Безъ принужденія, сама собою земля все давала.
Пищей довольные все, ея выводить не стараясь,
По терновникамъ тервъ, по горамъ землянику собирали,
И плоды дерена, и съ грубыхъ вѣтвей шелковицу,
Или упавшіе желуди, съ Зевсова пышнаго древа.
Вѣчно стояла весна, и нѣжно зефиры ласкали
Теплымъ дыханьемъ пѣвты, что безъ сѣмени сами родились.
Вскорѣ и безъ пахоты земля плодовъ приносила,
И безъ залежи поле сѣдѣло отъ тяжкихъ колосевъ;
Рѣки текли молока и рѣки нектара тоже,
И желтѣющей медъ изъ зеленого дуба струился *****).

Между тѣмъ какъ въ этихъ стихахъ талантливаго пѣвца наслажденій, Овидія, мнѣ о золотомъ вѣкѣ, бывшемъ нѣкогда при царствованіи бога Кроноса-Сатурна, излагается не только съ его этической, но и съ его матеріальной или чувственной стороны, эта послѣдняя отступаетъ на задній планъ въ тѣхъ описаніяхъ золотого вѣка, которыя стоическіе писате-

*) См. *Cicero* „Aratorum reliquiae“, v. 105 sqq.—*Germanici Caesaris* „Aratea Phaenomena“, v. 103 sqq.—*Avieni* „Phaenomena“, v. 292 sqq.

***) *Vergilius*: „Georg.“ I, 125 sqq. и II, 336 sqq. Ср. также его „Ecl.“ 4.

****) *Tibullus*: „Eleg.“ I, 3, 35—50.

*****) *Ovidius*: „Metamorph.“ I, 89 sqq. и XV, 96 sqq., а также „Amor.“ III, 8, 35 sqq.

*****) *Juvenalis*: „Satir.“ 6, 1—20.

*****) *Ovidius*: „Metamorph.“ I, 89—112. Переводъ А. Фета.

ли время наибольшаго нравственнаго упадка римскаго народа составляли, повидному, въ противовѣсъ послѣднему, какъ образцы для задуманнаго ими идеальнаго государства, основаннаго на одной разумности и правдивости. Такъ, напр., по воззрѣнiямъ греческаго философа Посидонiя *), умершаго въ 51 году до Р. Хр., въ золотомъ вѣкѣ верховная власть принадлежала мудрецамъ, которые не только защищали болѣе слабыхъ отъ болѣе сильныхъ, но и заботились о томъ, чтобы все имѣли то, что имъ было полезно, и избавлялись отъ всего вреднаго. Храбрость людей устраняла тогда всякiя опасности, и добродѣтель обогащала ихъ. Все охотно повиновались царю, потому что онъ правилъ такъ, какъ будто бы онъ былъ первымъ слугою государства, и потому что кара за неповиновенiе, состоявшая въ удаленiи виновнаго изъ этого блаженнаго царства, казалась самою ужасною. Эту морально-философскую картину золотого вѣка, прекратившагося, по словамъ Посидонiя, вслѣдствiе превращенiя царской власти въ тираннiю и вслѣдствiе необходимости издавать законы, дополняетъ римскiй философъ Сенека слѣдующими чертами, заимствованными имъ отчасти, хотя и со внесениемъ въ нихъ нѣсколько другаго смысла, у знаменитаго римскаго пѣвца эпикуреизма, Лукрецiя. «Не только находить,—говоритъ Сенека,—но и показывать другимъ то, что производила природа, доставляло тогда людямъ удовольствiе и радость; никто не могъ ни имѣть избытка, ни терпѣть нужды, такъ какъ все дѣлилось между согласно живущими; болѣе сильные еще не налагали рукъ на болѣе слабыхъ, и не было скупыхъ, которые другихъ лишали бы самыхъ необходимыхъ вещей, откладывая отнятое для себя про запасъ въ сторону; все заботились о другихъ, какъ о самихъ себѣ. Оружiе бездѣйствовало, и, не запятнавъ человѣческой кровью своихъ рукъ, люди направляли всю ненависть свою противъ однихъ только дикихъ звѣрей. Защищаясь отъ солнца въ прохладной тѣни густой роши, а отъ холода и дождя въ какомъ-нибудь бѣдномъ убѣжищѣ, люди проводили тогда ночи спокойно и безъ вздоховъ; насъ же мучить забота даже подъ нашей пурпуровой одеждой и беспокоить насъ самими острыми жалами. Тѣмъ людямъ жесткая земля доставляла сладкiй сонъ; надъ ними не висѣли штучные потолки, а звѣзды тихо проходили надъ ними, услаждая ихъ величественнымъ зрѣлищемъ ночи» **).

Невозможно указать въ бѣгломъ очеркѣ все тѣ сочиненiя греческой и римской литературъ, въ которыхъ подъ той или другой формою встрѣчаются болѣе или менѣе рационализированные слѣды древнихъ мнiяческихъ сказанiй о золотомъ поколѣнiи или вѣкѣ человѣчества. Лучшимъ доказательствомъ того, насколько этотъ мiръ былъ распространенъ и популяренъ въ античномъ мiрѣ, служить тотъ фактъ, что подъ влiянiемъ скры-

*) См. письмо философа *Сенеки* къ Луцилю: „Epist. moral.“ XIV, 2 (=90), § 5 sq.

**) *Сенека* въ вышеприведенномъ письмѣ къ Луцилю: „Epist. moral.“ XIV, 2 (=90), § 40 sqq.

вающихся въ немъ религіозныхъ и этическихъ представленій какъ у грековъ, такъ и у римлянъ искони возникли весьма знаменательные народные обычаи и празднества, которые были настолько устойчивы, что существовали до позднѣйшихъ временъ язычества. Сюда относится, съ одной стороны, греческій праздникъ Кроній, ежегодно, во время весенняго равноденствія (въ Олимпіи и на островѣ Родосѣ) или лѣтнаго поворота солнца (въ Афинахъ), справлявшійся въ честь и память бога Кроноса и бывшаго при немъ, по общему вѣрованію грековъ, золотого вѣка человѣчества, т.-е. вѣка всеобщей равноправности людей; съ другой стороны, сюда относятся соотвѣтствовавшія греческому празднику римскія Saturnalia, характеръ которыхъ чрезвычайно любопытенъ. Празднуюсь ежегодно около времени зимняго поворота солнца въ продолженіе священныхъ семи дней, съ 17 по 23 декабря, въ честь древненаціональнаго бога Сатурна, и служа какъ бы выраженіемъ общей радости по поводу возрожденія солнца и предстоящаго воскресенія оплодотворяемой благимъ богомъ природы, этотъ праздникъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ характеръ символическаго возвращенія людей къ тѣмъ блаженнымъ временамъ, когда самъ Сатурнъ еще жилъ среди нихъ, осыпая всѣхъ одинаковымъ образомъ дарами золотого вѣка. Поэтому въ дни этого праздника прекращали всякую работу и при радостныхъ кликахъ: Io Saturnalia, io bona Saturnalia (ура! добрыя Сатурналіи!) предавались необузданному веселію, пировали, играли, дѣлали другъ другу подарки. Для послѣднихъ употребляли, главнымъ образомъ, восковыя свѣчи, служившія, повидимому, символами воскресающаго изъ зимней тьмы солнца и свѣта и вызванной этимъ всеобщей радости, а орѣхи, на которые въ эти дни играли въ кости, символически обозначали ожидаемое плодородіе и всеобщее благоденствіе *). Самый характерный, однако, въ этическомъ смыслѣ и симпатичный обычай сатурнальскихъ празднествъ состоялъ въ томъ, что въ продолженіе ихъ не только приостанавливалось всякое судопроизводство и прерывались военныя дѣйствія, но даже отмѣнялись всѣ существующія между сословіями различія, такъ что рабы пользовались почти неограниченной свободой; хозяева ихъ не только обходились съ ними въ это время, какъ съ равными себѣ людьми, приглашая ихъ къ своимъ пиршествамъ, но нерѣдко даже сами прислуживали имъ за столомъ **).

Еще отчетливѣе, сильнѣе и даже чаще, чѣмъ въ греческихъ Кроніяхъ или въ римскихъ Сатурналіяхъ, праздновавшихся только одинъ разъ въ году, этическая сторона миѳическихъ представленій о золотомъ вѣкѣ или райски-блаженной жизни первобытнаго человѣчества вспоминалась и практически примѣнялась къ жизни въ учрежденныхъ въ незапамятныя времена праздникахъ другого высоко-культурнаго, а въ религіозномъ отношеніи

*) Первоначально эти свѣчи и орѣхи означали, какъ я думаю, небесныя свѣтила. См. ниже.

***) Болѣе подробныя свѣдѣнія о Кроніяхъ и Сатурналіяхъ см., напримѣръ, у Preller'a: „Griech. Mythol.“ I¹, 52 sq. и „Röm. Mythol.“ II², 15 sq.

даже передового народа древности, въ субботѣ и въ лѣтѣ отпущенія евреевъ *). Имѣвшее у большинства народовъ священное значеніе число 7, которое первоначально относилось къ днямъ лунныхъ фазъ, а позднѣе къ планетной системѣ, было примѣнено евреями къ Моисеевымъ представленіямъ о сотвореніи міра и о пріютившемъ первыхъ людей раѣ; основываясь на указанномъ священномъ значеніи числа 7, еврейская суббота первоначально должна была символически выражать наступающее еженедѣльно послѣ тяжелыхъ будничныхъ трудовъ время блаженнаго для людей и животныхъ покоя и «Божьяго мира», которымъ постоянно наслаждалось человѣчество до изгнанія изъ рая, въ продолженіе золотого вѣка. На такомъ же основаніи, какъ седьмой или субботній день недѣли, евреями, кромѣ того, освящены были не только каждый седьмой мѣсяць, но и каждый седьмой и даже семью седьмой, т.-е. сорокъ девятый (или пятидесятый) годъ. Связанныя со стародавними представленіями о блаженствѣ первобытнаго человѣчества идеально-коммунистическія идеи древнихъ евреевъ, которыя проглядывали въ предписаніяхъ ихъ закона относительно празднованія первыхъ двухъ празднествъ, и согласно которымъ каждый седьмой годъ, напр., не обрабатывались поля, а все, что на нихъ тогда само собой выросло, доставалось бѣднякамъ или животнымъ, эти идеально-коммунистическія идеи выступали еще ярче въ тѣхъ предписаніяхъ еврейскаго закона, которыя касались празднованія такъ называемаго лѣта отпущенія, т.-е. каждаго пятидесятаго (вмѣсто 49) года; въ силу ихъ все недвижимое имущество, перешедшее въ теченіе предыдущихъ 49 лѣтъ въ другія руки, тогда должно было возвращаться родовымъ владѣльцамъ его, какъ бы въ знакъ того, что всѣ члены племени получили отъ Бога одинаковое право на пользованіе землею. Правда, эти предписанія, кажется, приводились весьма рѣдко въ исполненіе, но и частыя жалобы древнихъ пророковъ на несоблюденіе ихъ соплеменниками установленнаго лѣта отпущенія могутъ служить доказательствомъ того, съ какой силой идея о прошедшей райской жизни человѣчества продолжала жить въ сказаніяхъ и обычаяхъ древнееврейскаго народа, превосходившаго въ этомъ отношеніи даже грековъ и римлянъ.

Если мы теперь спросимъ, на чемъ собственно основана эта столь распространенная среди большинства народовъ идея о золотомъ вѣкѣ или райской жизни первобытнаго человѣчества и о бывшихъ тогда, согласно преданію русскихъ и другихъ сказокъ, «молочныхъ рѣкахъ и кисельныхъ берегахъ», то проглядывавшій уже во всемъ сказанномъ мною до сихъ поръ отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ не разрушить тѣхъ иллюзій, подъ влияніемъ которыхъ многіе хотѣли со всей точностью указать даже то мѣсто, гдѣ человѣчество проводило эту райскую жизнь **). Исходя изъ

*) См. *Herzog*: „Real-Encyclopaedie für protestantische Theologie und Kirche“, vol. XIII (Gotha, 1860), p. 193—213, s. v. Sabbath.

**) Любопытный перечень всѣхъ предположеній, высказанныхъ по вопросу о мѣстонахожденіи рая, можно найти въ изслѣдованіяхъ *Schulthess*'а: „Das Paradies“ (2 изд.

буквальнаго толкованія Моисеева описанія эдема, толкованія, которое должно было привести къ однимъ только противорѣчямъ, искатели рая пришли къ самымъ курьезнымъ выводамъ и, между прочимъ, не колебались указывать страну прежняго блаженства людей то въ мѣстностяхъ близъ Дамаска, то въ Месопотаміи, то въ Арменіи, то въ Кашмирѣ, то на островахъ Тихаго или Индійскаго океана, въ особенности на Цейлонѣ, то даже во Франціи (въ городкѣ Hedin), или въ Скандинавіи, или въ «богатой медомъ и молокомъ» сѣверо-восточной Пруссіи и т. д. Однако и болѣе осторожные толкователи книги Бытія, какъ, напр., Лютеръ и др., не сумѣли подняться на высоту научнаго изслѣдованія и для избѣжанія встрѣтившихся имъ, при объясненіи библейскихъ словъ, противорѣчій предпочли прибѣгнуть къ отчаянному предположенію, что поверхность земли настолько измѣнена была «всемірнымъ потопомъ», что теперь уже не представляется возможнымъ найти рай человѣчества. Не входя здѣсь въ критику подобнаго рода представленій, упускающихъ изъ виду, что встрѣчающіяся почти у всѣхъ народовъ сказанія о золотомъ вѣкѣ или райски-блаженной жизни первыхъ людей, а также о «всемірномъ потопѣ» и т. п., имѣютъ съ одной стороны чисто-мнѣческое, а съ другой—психологическое основаніе, я не могу лучше выразить свой приговоръ надъ указанными представленіями, какъ слѣдующими словами поэта-идеалиста Шиллера:

Нѣтъ на картѣ той страны счастливой,
Гдѣ цвѣтетъ златой свободы вѣкъ,
Зимъ не зная, зеленѣютъ нивы,
Вѣчно свѣжъ и молодъ человѣкъ.

Я зашелъ бы слишкомъ далеко, если бы хотѣлъ здѣсь подробнѣе разсматривать чрезвычайно сложный вопросъ о томъ, какова первоначальная мнѣологическая основа тѣхъ многочисленныхъ сказаній о золотомъ вѣкѣ или райски-блаженной жизни первобытнаго человѣчества, которыя, какъ мы видѣли, возникли у самыхъ различныхъ народовъ и получали у нихъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе философско-этическій оттѣнокъ. Скажу вкратцѣ, что первоначальную причину происхожденія всѣхъ этихъ сказаній я усматриваю въ возникшемъ въ незапамятныя времена и раньше всего, вѣроятно, у аккадійско-халдейскаго народа, культѣ солнца, столь сильно и многосторонне вліяющаго на жизнь человѣка и вообще на всю природу, а также луны и звѣздъ, разсматривавшихся первобытными людьми какъ существа, находящіеся въ тѣсной и весьма разносторонней связи съ дневнымъ свѣтиломъ. Благодаря этому чрезвычайно древнему культу, слѣды котораго мы можемъ найти въ мнѣологіи почти всѣхъ народовъ, для прославленія похощеній и дѣйствій солнца, луны и звѣздъ возникли различныя священныя сказанія и религіозныя гимны, первоначальный смыслъ которыхъ съ теченіемъ времени сталъ забываться вслѣдствіе того, что при

Zürich, 1821); *Delitzsch*'a: „Wo lag das Paradies? (Lpz., 1881); *Engel*'я: „Die Lösung der Paradiesfrage“ (Lpz., 1885), а также у *Herzog*'а: „Real-Encyclopaedie für protestantische Theologie und Kirche“, vol. III (Gotha, 1855), p. 642 sqq., s. v. Eden.

постепенномъ развитіи отдѣльныхъ, различныхъ языковъ и выражающихся на нихъ понятій начало измѣняться не только значеніе словъ, но и все міровоззрѣніе людей. Тогда и стали возникать тѣ безчисленные мифы, т.-е. обоснованныя на неправильномъ, въ большинствѣ случаевъ буквальномъ, пониманіи древнѣйшихъ сказаній и религиозныхъ гимновъ рационалистическія объясненія ихъ, благодаря которымъ относившіеся первоначально къ разнымъ дѣйствіямъ солнца, луны и звѣздъ безчисленные эпитеты этихъ свѣтилъ превращались преимущественно въ названія новыхъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ живыхъ существъ. Получая при этомъ постепенно свой особый кругъ дѣятельности, указанные существа болѣе или менѣе антропоморфическаго характера принимались то за божества, то за полубоговъ или героевъ и героинь, то за инья чудесныя созданія (каковы великаны, карлики и т. п.), то за одаренныхъ особыми свойствами смертныхъ людей, составлявшихъ иногда во множественномъ числѣ или цѣлые народы или даже человѣческій родъ вообще. Съ другой стороны, первоначальные эпитеты небесныхъ свѣтилъ превращались нерѣдко въ названія различныхъ отличавшихся чудесными свойствами животныхъ или даже неодушевленныхъ предметовъ. Съ теченіемъ времени, конечно, всѣ эти разнообразныя олицетворенія и обозначенія солнца, луны и звѣздъ все болѣе и болѣе теряли свое первоначальное значеніе. Если теперь принять въ соображеніе, что эпитеты, которыми солнце, луна и считавшіеся весьма часто дѣтьми того или другой звѣзды воспѣвались въ религиозныхъ гимнахъ, относились главнымъ образомъ къ ихъ радостному сіянію и блеску, а также къ другимъ поразительнымъ проявленіямъ ихъ таинственно-чудесной и болѣею частью благотворной для людей дѣятельности, то станетъ понятнымъ, почему съ тѣхъ поръ, какъ эпитеты прославленныхъ такимъ образомъ свѣтилъ стали приниматься, между прочимъ, за обозначенія человѣческихъ существъ, подъ влияніемъ психическихъ свойствъ человѣка, о которыхъ я сейчасъ буду говорить, неминуемо должны были возникнуть представленія объ одаренныхъ разнаго рода чудесными и идеальными качествами людяхъ, которые или существовали когда-то въ болѣе или менѣе давно минувшія времена, или же еще существуютъ гдѣ-то въ далекихъ, неизвѣстныхъ странахъ, или, наконецъ, гдѣ-то будутъ существовать по окончаніи своей земной жизни. Сюда относятся разсмотрѣнныя нами выше сказанія о первоначальномъ блаженствѣ людей вообще, о райской жизни нашихъ прародителей или о золотомъ поколѣніи (позднѣе, вѣтѣ) человѣческаго рода, смѣнившемся сперва серебрянымъ, а затѣмъ мѣднымъ и, наконецъ, желѣзнымъ; сюда же относятся встрѣчающіяся почти во всѣхъ мифологіяхъ (а въ особенности въ греческой) преданія о цѣлыхъ народахъ, которые, обитая гдѣ-то вдали, живутъ самой счастливой и праведной жизнью и находятся въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ божествами (первоначально олицетвореніями солнца или луны). Таковы, напр., эоіопы, феаки, абіи, скиѣы (особенно у Гомера и Геродота) и многіе другіе мифическіе или легендарные народы; сюда относятся, наконецъ, и развившіеся въ самыхъ

различныхъ формахъ представленія людей о будущемъ благоденствіи чело-
вѣка, о горахъ или островахъ блаженныхъ (каковы: Меру—индійцевъ,
Албори—пранцевъ, Алтай монголовъ и т. д., *ἠῆσοι μακάρων*—грековъ,
Floth-Junis—кельтовъ и т. д.), объ элизіи, о небесномъ раѣ и т. п. Что
касается первыхъ изъ этихъ тройныхъ сказаній, возникшихъ на одной и
той же мифической основѣ, и развитыхъ, согласно даннымъ человѣческой
психики, сказаній о золотомъ, серебряномъ, мѣдномъ и желѣзномъ поко-
лѣніяхъ людей, то эти несомнѣнно весьма древніе, хотя и встрѣчающіеся
сперва только у Гесиода, эпитеты человѣческихъ поколѣній первоначально
означали, по моему убѣжденію, одинъ лишь блескъ сіяющихъ звѣздъ, такъ
какъ всѣ соотвѣтствующія имъ греческія слова χρυσοῦς, ἀργυροῦς, χαλκοῦς
и σιδηροῦς происходятъ отъ индо-европейскихъ корней, означавшихъ блескъ
(\sqrt{ghar} —, \sqrt{arg} —, \sqrt{ghar} — и \sqrt{svid} —). Когда впоследствии эти слова
дифференцировались въ своемъ значеніи и стали означать различные «бле-
стящіе» металлы, какъ золото, серебро, мѣдь и желѣзо, то рационализи-
рующіе умы людей при различеніи обозначенныхъ такими эпитетами звѣздъ,
дѣтей солнца и луны, принятыхъ за человѣческія существа, руководились
достоинствомъ и цѣнностью отдѣльныхъ металловъ и согласно этому рас-
предѣлили людей на нѣсколько поколѣній, то на три, то на четыре, то даже
на пять *), согласно священному значенію этихъ чиселъ, устанавливая на пер-
вомъ мѣстѣ золотое, т. е. лучшее и счастливѣйшее поколѣніе **).

Такимъ образомъ развилось, по моему мнѣнію, поддерживаемое также
другими данными, почитаніе предковъ, существовавшее нѣкогда почти у
всѣхъ народовъ и существующее еще нынѣ у многихъ, въ особенности,
напр., у китайцевъ; такимъ же образомъ получило пищу и то общее

*) Древнѣйшими изъ этихъ представленій должны считаться, по моему мнѣнію,
тѣ, которые дѣляютъ человѣческій родъ (т. е. звѣзды—см. ниже) на четыре поколѣ-
нія, соотвѣтственно числу лунныхъ фазъ.

**) Высказанное мною выше мнѣніе о мифическомъ характерѣ сказаній, просла-
вляющихъ золотой вѣкъ или райскую жизнь первобытныхъ людей, и о первоначаль-
номъ значеніи этихъ сказаній и разовью подробнѣе въ культурно-историческомъ
сочиненіи „Эволюція идеи о прогрессѣ человѣчества у древнихъ“, которое, надѣюсь,
уже скоро выйдетъ въ свѣтъ. А пока я указываю на слѣдующія изслѣдованія дру-
гихъ ученыхъ, могущія подкрѣпить мои утвержденія о значеніи существовавшего нѣ-
когда культа солнца, луны и звѣздъ. Dupuis: „Origine de tous les cultes“ (Paris, 1794);
Uschold: „Vorballe zur griech. Gesch. u. Mythologie“ (Stuttgart, 1838); Schwartz: „Sonne,
Mond u. Sterne“ (Berlin, 1864); Аонасьевъ: „Поэтическая возрѣнія славянъ на при-
роду“ (Москва, 1865—1869 гг.); Morris: „Aryan sun-myths, the origin of religions“
(London, 1889); Böttger: „Der Sonnencult der Indogermanen“ (Breslau, 1890); Siecke:
„Beiträge z. gen. Kenntniss der Mondgottheit bei den Griechen“ (Breslau, 1885); ero
же: „Die Liebesgeschichte der Himmels“ (Strassburg, 1892) и „Mythologische Briefe“
(Berlin, 1901); Воеводскій: „Введение въ мифологию Одиссеи“ (Одесса, 1881 г.); O.
Gilbert: „Griechische Götterlehre“ (Leipzig, 1898); O. Seeck: „Die Bildung der griechi-
schen Religion“ (въ Neue Jahrb. f. d. klass. Alt. 2. Jahrg, 1899, особ. во главѣ II:
Der Sonnenglaube III и IV. Bandes 5. Heft, p. 305—327) и др. Ср. теперь также
мое изслѣдованіе: „Народныя сказанія о происхожденіи дѣтей“ (Варшава, 1902 г.).

стремленіе людей къ идеализированію явленій, отдаленныхъ отъ нихъ или пространствомъ или временемъ, естественное фізіолого-психическое основаніе и причину котораго мы должны усматривать въ томъ, что, съ одной стороны физическое и духовное зрѣніе наше отъ природы ограничено, а съ другой стороны—жизненная сила нашей воли и при воспоминаніяхъ о прошломъ и при представленіяхъ о будущемъ по возможности устраняетъ все для насъ непріятное, тягостное и мѣшающее радостной и бодрой жизни, а удерживаетъ только пріятное, содѣйствующее такой жизни и облегчающее ее.

Кто изъ насъ не знаетъ по собственному опыту этого стремленія, этой, вѣками развитой, способности нашей души къ идеализированію, прозванной фантазіей? Кто не знаетъ, въ какой удивительной степени она, подобно очаровывающей путника въ пустынь, по обманчивой фата-морганѣ, является художницей и чародѣйкой, украшающей нашу будничную жизнь своими золотыми образами? Подъ вліяніемъ этой чародѣйки люди и нынѣ нерѣдко предаются иллюзіямъ и представляютъ себѣ, соответственно своему темпераменту, возрасту, воспитанію, положенію и другимъ условіямъ, то прошедшее, то будущее время въ особо привлекательномъ, радужномъ свѣтѣ, а явленія настоящаго времени кажутся имъ зачастую отрадными только въ томъ случаѣ, если эти явленія отдалены отъ нихъ значительнымъ разстояніемъ въ пространствѣ. Эта черта нашей физико-психической организаціи является причиною того, что даже величайшія бѣдствія и несчастія, пережитыя нами, съ теченіемъ времени теряютъ свое острое значеніе и нерѣдко слагаются въ нашей памяти въ романтическую, не лишенную даже привлекательности, картину, и что не только старики, эти привилегированные *laudatores temporis acti*, какъ ихъ мѣтко называетъ Гораций (*Epist. II, 3, 173*), но часто и люди другихъ возрастовъ, сдѣлавшіеся, вслѣдствіе разныхъ причинъ, менѣе способными къ воспріятію пріятныхъ впечатлѣній настоящаго времени, въ розовомъ свѣтѣ видятъ только то, что случилось давно или, какъ они выражаются, въ то «доброе старое время», когда, по ихъ словамъ, и природа осыпала людей болѣе щедрыми и прекрасными дарами, и сами люди были не только сильнѣе, крупнѣе и здоровѣе, но и лучше, честнѣе, откровеннѣе и т. д., чѣмъ въ теперешнее время. «*Αεὶ τὰ πέρροσι βελτίον*», «*cotidie est deterior posterior dies*», «*cualquiera tiempo pasado fue mejor*» и т. д., такъ гласятъ поговорки разныхъ народовъ, мѣтко выражающія этотъ оптимизмъ, съ которымъ взрослые люди такъ часто смотрятъ на прошедшее, и пессимизмъ, съ которымъ они въ то же время смотрятъ на настоящее. Эти люди забываютъ, что все счастье представляющагося ихъ воображенію въ наиболѣе идеальномъ свѣтѣ времени ихъ дѣтства и юности является удѣломъ только такого періода жизни человѣка, когда послѣдній, не развивши еще всѣхъ силъ своего разума и не достигши еще полнаго самосознанія и твердой воли, сперва находится, подобно животнымъ, въ состояніи естественной невинности и невмѣняемости и, имѣя весьма мало потребностей, беззаботно, благодаря

попеченіямъ другихъ, особенно родителей, проводить свои дни большею частью въ пріятномъ воспріятіи все новыхъ и интересныхъ для него впечатлѣній виѣшняго объективнаго міра, кажущагося ему, поэтому, обыкновенно прекраснымъ, а затѣмъ вслѣдствіе незнанія того субъективнаго значенія, которое явленія этого міра имѣютъ для него самого, предается самымъ радостнымъ надеждамъ и идеаламъ и всѣми силами своей юной души старается немедленно осуществить ихъ *). Если поэтому люди впоследствии, среди суровой и будничной борьбы жизни, разочаровываются во многихъ изъ этихъ надеждъ и идеаловъ своей неопытной молодости, и если имъ тогда нерѣдко кажется, что все на свѣтѣ измѣняется къ худшему, то причина этого, въ большинствѣ случаевъ и главнымъ образомъ, кроется въ нихъ самимъ, а не въ ихъ; они только теперь начинаютъ лучше понимать, какое субъективное значеніе для нихъ имѣютъ различныя явленія дѣйствительной жизни, съ которыми имъ приходится сталкиваться и мѣряться силами, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе самолюбія и самообмана, они зачастую сваливаютъ вину въ своихъ собственныхъ ошибкахъ, слабостяхъ и недостаткахъ на окружающій ихъ міръ. Вмѣсто того, чтобы вѣчно жаловаться на мнимый упадокъ этого міра, всѣ хвалители прошлаго поступали бы разумнѣе, правильнѣе и честнѣе, если бы они, съ одной стороны, съ большей энергіей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ большей умѣренностью, правдивостью и послѣдовательностью, чѣмъ обыкновенно дѣлаютъ, стремились къ постепенному осуществленію своихъ идеаловъ добра и истины, а съ другой стороны, на закатѣ своихъ дней и послѣ полного естественнаго упадка своихъ силъ, безъ ропота мирились съ этимъ, подобно Гётевскому Мефистофелю, который, состарѣвшись и не находя больше удовольствія ни въ чемъ, съ мѣткой провіей по отношенію къ самому себѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ полнымъ пониманіемъ психологическихъ данныхъ, характеризуетъ свое состояніе слѣдующими остроумными словами:

Weil mein Fässlein trübe läuft,
So geht die Welt auch auf die Neige.

Міръ отживаетъ свой вѣкъ, потому что лишь мутнымъ потокомъ
Ужъ давненько вино льется изъ бочки моей.

Возвращаясь теперь къ изложеннымъ нами раньше представленіямъ людей о первобытномъ состояніи или дѣтствѣ всего человѣчества, какъ о времени полной невинности и полнаго счастья его, мы, конечно, не можемъ не видѣть, что въ этихъ представленіяхъ кроется такая же логическая ошибка, какую мы только что указали въ тѣхъ представленіяхъ, согласно которымъ и дѣтство отдѣльно взятаго человѣка считается самымъ невиннымъ и счастливымъ временемъ его жизни. Прославляемая какъ здѣсь, такъ и тамъ невинность на самомъ дѣлѣ есть не что иное, какъ состояніе

*) Ср. разсужденія *Schopenhauer'a*: „Vom Unterschiede der Lebensalter“, въ его „Parerga und Paralipomena“ (т. I, стр. 532—554 изданія Grisebach'a, Leipzig, Verlag Reclam).

естественности и невмѣняемости, въ которомъ находится только неразумное животное. Человѣкъ же, одаренный отъ природы разумной волею, вмѣстѣ съ тѣмъ становится и вмѣняемымъ. Онъ можетъ быть добрымъ только по собственной волѣ, и невинная добродѣтель животныхъ не приличествуетъ ему, какъ существу, сознательно относящемуся къ добру и злу. То, что въ лучшемъ случаѣ могло бы быть только конечной цѣлью жизни всего человѣчества, — согласіе этой жизни съ добромъ, — разсмотрѣнныя нами сказанія о прошедшемъ золотомъ вѣкѣ или раѣ ложно представляютъ исходной точкою и первобытнымъ состояніемъ человѣчества *). Ибо не подлежитъ сомнѣнію, что въ этихъ сказаніяхъ человѣкъ имѣется въ виду только какъ одаренное разумомъ и сознательной волею существо, а не какъ животное, изъ котораго онъ, по современной эволюціонной теоріи, постепенно развивался. Если поэтому и мы, при нашей критикѣ идеи о прошедшемъ золотомъ вѣкѣ, не только имѣемъ право, но и должны разсматривать жизнь человѣчества только съ того момента, не строго, конечно, разграниченнаго, когда эта жизнь сдѣлалась жизнью одаренныхъ «человѣческими» качествами существъ, то, на основаніи добытыхъ новѣйшей антропологической наукою знаній, мы принуждены будемъ представлять себѣ это начало, съ одной стороны, весьма простымъ, несложнымъ и потому не богатымъ разнообразными затрудненіями и столкновеніями въ борьбѣ за существованіе, а съ другой стороны — въ высшей степени жалкимъ, безпомощнымъ и исполненнымъ бѣдствій, однимъ словомъ, далеко не идеальнымъ, т. е. знавшимъ только добродѣтель и счастье. Не позади, а впереди насъ лежитъ лучшее время жизни человѣчества, т. е. исторія не только постепеннаго подчиненія имъ себѣ силъ внѣшней природы, но и постепеннаго развитія и довершенія разумнаго самосознанія и нравственной автономіи его самого. Къ этому лучшему будущему времени мы стремимся, къ нему насъ приближаютъ тысячелѣтія. Остановить этого движенія нельзя, и всѣ ретроградныя мечтанія, въ родѣ тѣхъ, защитниками которыхъ въ моменты кажущагося или дѣйствительнаго временнаго упадка нравственной жизни высоко культурныхъ и изнѣженныхъ эпохъ, иногда выступаютъ даже такіе гениальные люди, какъ, напр., Жанъ-Жакъ Руссо въ XVIII вѣкѣ и отчасти также Левъ Толстой въ наше время, всѣ эти пессимистическія по отношенію къ настоящему и идеализирующія прошедшее мечтанія лишены реальной почвы и должны прекратиться, чтобы уступить мѣсто не унывающему, а всегда бодрому и все болѣе облагораживающему насъ стремленію впередъ, направленному какъ на умственное, такъ и на нравственное усовершенствованіе человѣка.

Какъ бы неосновательной, послѣ всего сказаннаго мною, и даже смѣшной ни оказывалась иногда склонность людей къ идеализированію всего про-

*) Ср. разсужденіе *Hegel*'а по этому вопросу, помѣщенное въ его „Vorlesungen über die Philosophie der Religion“ (2-е изд., Берлинъ, 1840, часть 2-я, стр. 74 сл. и 260).

шедшаго, и какъ бы мало ни соотвѣтствовала дѣйствительности разсмотрѣнная нами идея о блаженствѣ или золотомъ вѣкѣ первобытнаго человѣчества, считавшагося лучшимъ, чѣмъ нынѣшнее, еще и потому, что, согласно религіозному вѣрованію, оно только что вышло изъ рукъ своего божественнаго Творца, однако я зашелъ бы слишкомъ далеко въ своей критикѣ этой идеи, если бы я, не признавая за ней исторически-реальнаго основанія, вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ отрицать также ея идеальное значеніе. Нисколько не желая допускать такой несправедливости, я напротивъ утверждаю, что эта идея должна быть признана одной изъ самыхъ благотворныхъ для человѣчества идей. Подобно яркому свѣточу среди густого мрака ночи, она показывала людямъ, стоявшимъ еще на низкой ступени культуры, такой нравственный идеалъ, который, хотя и относился къ давно прошедшему времени, но не могъ не имѣть глубокаго, облагораживающаго вліянія на ихъ жизнь въ настоящемъ. Вѣдь эта настоящая жизнь настолько не соотвѣтствовала рисуемой воображенію людей идеальной картинѣ далекаго прошлаго, что для дополненія и округленія этихъ двухъ эпохъ, настоящаго и прошедшаго времени, духовный глазъ человѣка необходимо долженъ былъ включить тогда въ свой кругозоръ еще третье, т.-е. будущее время, и искать осуществленія своего идеала, дѣйствительнаго золотого вѣка, въ этомъ будущемъ, какъ это столь прекрасно выражается поэтомъ идеализма Шиллеромъ въ извѣстномъ стихотвореніи о человѣческой надеждѣ:

Какъ много въ теченіе жизни земной
О будущемъ люди мечтаютъ!
И всѣ они цѣли счастливой, златой
Достигнуть скорѣе желаютъ.
Миръ Божій то свянетъ, то вновь расцвѣтетъ,
А смертный все ищетъ, все лучшаго ждетъ *).

II.

Если, какъ мы выше видѣли, человѣческое воображеніе или фантазія, эта удивительная способность нашего ума идеализировать все отдаленное по времени и пространству, подобно двуликому римскому божеству времени Янусу, является чародѣйкой съ двумя лицами, изъ которыхъ одно, смотря назадъ, вызываетъ въ насъ чудные образы прошедшаго, или воспоминанія, а другое, смотря впередъ, наполняетъ насъ столь же чудными образами будущаго, или надеждами, то становится понятнымъ, почему рядомъ съ идеей о прошедшемъ золотомъ вѣкѣ человѣчества почти вездѣ и почти во всѣ времена встрѣчается также дополняющая ее и первоначально возникшая на той же, раньше указанной нами, миѳической основѣ, идея о будущемъ блаженствѣ нашего рода. Правда, вначалѣ, пока человѣчество еще не могло оглядываться на долгое прошлое, прожитое съ полной сознательностью, пока оно чувствовало себя еще слабымъ и зависямымъ отъ

*) Переводъ Ѳ. Миллера.

окружающей его природы, которую оно обоготворяло, эта идея носила чисто-трансцендентный (въ Кантовскомъ смыслѣ этого слова) характеръ, относя будущее блаженство людей къ представлявшейся умамъ вѣрующихъ загробной жизни (на горахъ или островахъ блаженныхъ, въ элизи, въ небесномъ раю и т. д.); но, какъ только человѣческой умъ сталъ освобождаться отъ своихъ прежнихъ оковъ и все болѣе полагаться на свои собственныя, постоянно увеличивавшіяся силы, эта идея изъ трансцендентной дѣлалась все болѣе и болѣе имманентной (въ Кантовскомъ смыслѣ этого слова). Первые зачатки такого поворота мы находимъ уже въ глубокой древности и прежде всего у евреевъ, т. е. у того народа, который раньше другихъ исполнился убѣжденія въ томъ, что міровая жизнь основана на разумномъ и справедливомъ началѣ. Въ идеальномъ образѣ ожидавшагося этимъ народомъ съ нетерпѣніемъ религіозно-политическаго и соціальнаго Мессіи воображеніе еврейскихъ пророковъ, въ особ. Исаи, усматривало земного исполнителя всѣхъ упованій ихъ на то, что въ скоромъ времени не только израильскому племени возвращена будетъ свобода, но и всему человѣчеству его первобытная райская жизнь, и что тогда на землѣ снова водворится всеобщій миръ, такъ какъ мечи будутъ перековываться въ плуги, а копыя въ серпы, и даже львы будутъ мирно пастись рядомъ съ овцами *). — Не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ этихъ представленіяхъ древнихъ евреевъ о предстоявшей, благодаря Мессіи, не только имъ, но и другимъ народамъ блаженной жизни мы должны усмотрѣть одинъ изъ главныхъ источниковъ подобныхъ же представлений, которыя въ эпоху упадка римской республики и перехода ея въ имперію стали появляться въ литературѣ римскаго народа и, насколько мы можемъ судить, почти всецѣло основывались на халдейскихъ ученіяхъ, а также на предсказаніяхъ такъ называемыхъ сивиллиныхъ книгъ. Эти послѣднія представляли собой собраніе весьма распространенныхъ, въ особ. на востокѣ, пророчествъ въ греческихъ стихахъ, которое, по приказанію римскаго сената, было сдѣлано въ различныхъ мѣстностяхъ обширной Римской имперіи послѣ того, какъ первое, древнѣйшее собраніе сивиллиныхъ книгъ, купленное, по легендарному преданію, еще царемъ Тарквиніемъ Гордымъ у какой-то старухи и хранившееся въ капитолийскомъ храмѣ Юпитера, было истреблено пожаромъ въ 83 г. до Р. Хр. Къ числу предсказаній, вошедшихъ во второе собраніе сивиллиныхъ книгъ, принадлежали и сохранившіяся отчасти до насъ пророчества такъ называемой эрифрейской Сивиллы. Благодаря этимъ пророчествамъ **), бѣольшая часть которыхъ на самомъ дѣлѣ была сочинена какимъ-то александрійскимъ евреемъ, жившимъ около 150 г. до Р. Хр. и составившимъ ихъ главнымъ образомъ на основаніи пророчествъ Исаи, къ концу республики въ Римъ стали проникать, отча-

*) См. особенно Исаію, гл. 11, § 6—9 и гл. 65, § 25.

***) См. „Die Sibyllinischen Weissagungen“, hrsg. von *Friedlieb* (Lpz. 1852), стр. XXXVIII введенія и текстъ 3-й книги, въ особенности III, 367—380; 702—731; 743—760 и 766—794.

сти также подъ влияніемъ оригинальныхъ греко-латинскихъ и этрусскихъ идей подобнаго характера, представленія о томъ, что въ скоромъ времени наступитъ новый золотой вѣкъ человѣчества. Въ силу такихъ представлений многіе римляне, разочаровывавшіеся въ республиканскомъ строѣ государства, какъ кажется, приняли еще Цезаря за царя-Мессію *), а вскорѣ послѣ того, въ 40 г. до Р. Хр., поэтъ Вергилій въ своей четвертой эклогѣ привѣтствовалъ рожденіе сына у его покровителя и друга, консула Азинія Полліона, какъ рожденіе ребенка, съ жизнью котораго долженъ былъ наступитъ новый счастливый вѣкъ, предназначенный судьбой осыпать людей не только богатыми матеріальными дарами земли, но и идеальными благами водворяющейся повсюду добродѣтели.

Затѣмъ всѣ эти мечты о предстоящемъ золотомъ вѣкѣ человѣчества сгруппировались около новаго властелина Римской имперіи, Августа, и самъ Вергилій въ послѣднемъ изъ своихъ произведеній, въ Энеидѣ, прославлялъ молодого государя слѣдующими стихами:

Здѣсь тотъ мужь, онъ здѣсь, тебѣ возвѣщенный такъ часто,
Августъ Цезарь, тотъ сынъ божества, что вновь золотые
Въ Ладій вѣка возвратитъ, въ поля, гдѣ царствовалъ прежде
Самъ Сатурнъ **).

Подобнымъ образомъ и Гораций, получивъ отъ императора въ 17 г. до Р. Хр. порученіе написать торжественный гимнъ по поводу праздновавшихся тогда въ Римѣ секулярныхъ игръ, привѣтствуетъ это празднество, имѣвшее самое тѣсное отношеніе къ представленію римлянъ о появленіи новаго человѣческаго поколѣнія (saeculum), вводимаго новымъ солнцемъ наступающаго столѣтія, божествомъ Аполлономъ, — Гораций привѣтствуетъ это празднество какъ эпоху новой, счастливой эры, когда, какъ онъ говоритъ:

Съ древней стыдливостью, съ миромъ и честью дерзаетъ
Доблесть забытая вновь появляться межъ нами,
Снова довольство отрадное всѣмъ разсыпаетъ
Рогъ свой съ дарами ***)).

Однако эти и подобныя имъ мечтанія и представленія о новомъ золотомъ вѣкѣ человѣчества, встрѣчающіяся у Вергилія и Горация, а также у нѣкоторыхъ писателей слѣдующихъ столѣтій Римской имперіи, напр. Кальпурнія, Клавдіана и Сидонія ****), не могли пустить глубокихъ корней въ расшатанномъ уже языческомъ мірѣ. Только вышедшая изъ Иудеи великая христіанская религія, провозглашавшая любовь, вѣру и надежду наивысшими принципами человѣческой жизни, представляла удобную почву для

*) Ср. *Suetonius*, „*Divus Iulius*“ 79.

**) *Vergilius*, „*Aeneis*“ VI, 791 sqq. Переводъ принадлежитъ Фету.

***) *Horatius*, „*Carmen saeculare*“ 57—60. (Переводъ Фета). — Ср. также Од. IV, 2, 37—40 и IV, 15, 4—20.

****) *Calpurnius*, *Ecl.* 1, 42—45; 63—65 и 4, 6—9; 102—141. — *Claudius Claudianus*, „*Laus Serenae*“ 70—78; „*De consulatu Stilichonis*“ I, 84—88 и во многихъ другихъ мѣстахъ. — *Sidonius Apollinaris*, „*Panegyricus dictus Anthemio Augusto*“ 102—114.

подобныхъ идей. И въ самомъ дѣлѣ, уже въ первомъ столѣтіи по Р. Хр-пѣкоторыя, буквально понятыя, слова Иисуса Христа и апостоловъ, а въ особенности извѣстныя апокалиптическія пророчества, читающіяся въ «Откровеніи Іоанна Богослова» (въ 20-й главѣ), являлись причиною возникновенія такъ называемаго хилиазма (отъ греческаго χίλιος, тысяча), т.-е. ученія о предстоящемъ тысячелѣтнемъ земномъ царствѣ Христа *), которое, начинаясь воскресеніемъ праведныхъ и заканчиваясь воскресеніемъ всѣхъ другихъ людей и страшнымъ судомъ, будетъ царствомъ всеобщаго блаженства и мира на землѣ. Поддерживаемое, съ одной стороны, воспоминаніями іудейскихъ христіанъ о рисуемой въ Ветхомъ Заветѣ райской жизни первыхъ людей и надеждами ихъ на появленіе Мессіи, а съ другой стороны—представленіями языческихъ христіанъ о бывшемъ при Кроносѣ - Сатурнѣ золотомъ вѣкѣ, хилиастическое ученіе вскорѣ укрѣпилось еще болѣе въ умахъ первыхъ христіанъ вслѣдствіе тѣхъ гоненій, которымъ они тогда подвергались со стороны язычниковъ, и которыя, въ виду все болѣе увеличивающагося числа мучениковъ, во многихъ возбуждали и поддерживали надежды на лучшее будущее. Неудивительно, поэтому, что идея о предстоящемъ тысячелѣтнемъ царствѣ Христа на землѣ мало-по-малу стала развиваться не въ одномъ только идеально-этическомъ, но и въ матеріально-чувственномъ направленіи, и что на ряду съ различными сектантами, въ особенности съ эбионитами, или назарейями, и съ послѣдователями Церинѳа, а позднѣе съ монтистами, даже такіе люди, какъ отцы церкви Тертуліанъ и въ особ. св. Иринея, предавались самымъ смѣлымъ и необузданнымъ мечтаніямъ о матеріальныхъ благахъ ожидаемаго ими царства Христа. Ссылаясь на мнимое преданіе апостоловъ, послѣдній утверждалъ, между прочимъ, что въ блаженное время этого царства каждое виноградное дерево будетъ имѣть 10,000 вѣтокъ, каждая вѣтьвь 10,000 кистей, каждая кисть 10,000 ягодъ, а каждая ягода будетъ давать людямъ не менѣе 25 кружекъ вина.—Только послѣ продолжительной борьбы, предпринятой противъ подобныхъ хилиастическихъ представленийъ гностиками и великими отцами церкви Оригеномъ, бл. Іеронимомъ и въ особ. бл. Августиномъ, хилиастическое ученіе было лишено всякаго церковнаго авторитета. Послѣ этого оно нашло тихое убѣжище въ лонѣ сектанства, а съ новой силой воскресло только въ эпоху реформаціи, когда, благодаря всеобщему религіозному волненію умовъ, люди опять стали устремлять свои взоры на ожидаемое лучшее будущее, а мюнстерскіе анабаптисты не колебались даже прибѣгнуть къ насилію, чтобы съ грубой чувственностью возстановить на землѣ вождѣльное царство Божіе. Съ тѣхъ поръ хилиастическія предста-

*) См. *Corrodi*, „Kritische Geschichte des Chiliasmus“, 2-е изданіе (Цюрихъ, 1794). *Münsher*, „Lehre vom tausendjährigen Reich in den ersten drei Jahrhunderten“ (въ *Henke's*: „Magazin für die Religionsphilosophie, Exegese und Kirchengeschichte“ VI, 2, p. 233 sqq.). *Herzog's* „Real-Encyclopaedie für protestantische Theologie und Kirche“, vol. II, p. 657—670, s. v. „Chiliasmus“, и особ. *Döllinger*, „Der Weissagungsglaube und das Prophetenthum in der christlichen Zeit“ (Stuttgart, 1890).

вленія никогда уже не сходили совершенно со сцены, и продолжали жить даже въ умахъ многихъ выдающихся и благородныхъ богослововъ, въ особ. протестантской церкви, принимая все болѣе и болѣе одухотворенный характеръ. Всѣмъ извѣстно, что въ истекшемъ XIX столѣтїи существующія еще нынѣ секты мормоновъ и ирвингянцевъ приняли хилиастическія идеи даже въ число своихъ догмъ и символовъ вѣры.

Прослѣдивъ въ бѣглому очеркѣ исторію хилиазма, я постараюсь теперь указать, какимъ образомъ, на ряду съ этими полутрансцендентными, полумманентными (въ Кантовскомъ смыслѣ этихъ словъ) представленіями, возникшими на религіозномъ основанїи, развивалась другая, чисто-свѣтская и имманентная идея о будущемъ золотомъ вѣкѣ человѣчества. Первые зачатки этой идеи, болѣе извѣстной подъ названіемъ идеи о прогрессѣ человѣческаго рода, относятся къ сравнительно недавнему времени. Въ древнемъ языческомъ мірѣ они встрѣчаются, собственно говоря, не раньше той эпохи греческой, а затѣмъ и римской культуры, въ которую религіозныя основы язычества распались и наука смѣлѣе стала поднимать свою голову, какъ выражается философъ-поэтъ Лукрецій, а въ философіи стали преобладать тѣ матеріально-сенсуалистическія теорїи, которыя все сущее въ мірѣ объясняли какъ продукты или проявленія матерїи и ея развитія, усматривая въ то же время источникъ всякаго человѣческаго познанія въ чувственномъ воспрїятїи. Только благодаря такимъ теорїямъ, укрьпившимся въ особенности въ философской системѣ Эпикура и его школы, могла зародиться идея о томъ, что жизнь человѣчества постепенно прогрессируетъ и, начавшись съ самаго грубаго и дикаго состоянїя, подымается постепенно къ болѣе и болѣе высокимъ ступенямъ культуры. Наиболѣе вдохновеннаго выразителя этой идеи мы находимъ въ лицѣ гениальнаго римскаго стихотворца и философа конца республики, эпикурейца Лукреція, поэма котораго «О природѣ» въ пятой книгѣ своей содержитъ въ высшей степени интересную и живописную картину постепеннаго прогресса человѣческой цивилизаціи, выразившейся, по его мнѣнію, главнымъ образомъ, въ развитїи разныхъ ремеселъ, искусствъ и наукъ, а отчасти также нравственныхъ сторонъ социальной жизни людей и обусловленной, согласно ученїю Эпикура, тремя основными причинами: нуждою, опытомъ и размышленїемъ чловѣка.

Подробно изложивъ первые зачатки цивилизаціи и перешедши затѣмъ къ мастерскому описанію болѣе высокихъ ступеней ея, Лукрецій заканчиваетъ свой очеркъ слѣдующими стихами:

Солнце съ луной между тѣмъ, обходя своимъ свѣтомъ, какъ стражи,
Мира великій вертящійся храмъ, научили людской родъ
И перемѣнамъ время годовымъ, и тому, что вселенной
Твердый законъ управляетъ всегда и порядокъ безсмѣнный.

Люди уже проводили свой вѣкъ подъ защитою крѣпкихъ
Вашень и стѣнъ городскихъ, а земля, на участки межами
Ужъ раздѣленная вся, подвергалась вездѣ обработкѣ;
Также пестрѣло ужъ море кругомъ парусами, а грады

Между собой заключали уже договоры о дружбѣ;
Тутъ воспѣвать стали въ пѣсняхъ поэты событія вѣка,
А лишь недавно предъ тѣмъ изобрѣтены были и буквы.
Такъ наше время не можетъ узнать, что случилось раньше,
И только умъ кое-какъ указать слѣды этого въ силахъ.

Поле воздѣлывать, строить суда и дороги и стѣны,
Также законы давать или дѣлать оружье и платье
Вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ, что намъ служить потребностью жизни,
Кромѣ того, украшать бытіе бездной прелестей разныхъ,
Пѣсни слагать и картины писать или статуи дѣлать,—
Вотъ все, чему родъ людей наученъ былъ нуждой, испытаньемъ
И размышленьемъ ума, шагъ за шагомъ впередъ подвигаясь.
Такъ выясняется временемъ все постепенно средь смертныхъ
И ихъ пытливымъ разсудкомъ возводится къ свѣту дневному.
Разъ же постигнувъ умомъ, что всѣ вещи выходятъ наружу,
Блескъ и извѣстность свою лишь одна отъ другой получая,
Люди дошли, наконецъ, до вершинъ совершенства въ искусствахъ *).

Послѣ паденія древняго языческаго міра и религіознаго преобразованія его христіанствомъ, эта столь краснорѣчиво изложенная впервые эпикурейцемъ Лукреціемъ идея о постепенномъ прогрессѣ человѣчества не могла не заглохнуть на долгое время въ мертвечинѣ средневѣковой схоластики. Только въ великую эпоху XV и XVI столѣтій, эпоху возрожденія искусствъ и древнихъ классическихъ литературъ, эпоху изобрѣтенія книгопечатанія, открытія Америки, реформациі и произведеннаго Коперникомъ и Галилеемъ переворота въ астрономіи и механикѣ, а потому также въ общемъ міровоззрѣніи, идея о прогрессѣ человѣчества снова воскресаетъ и въ скоромъ времени настойчиво провозглашается самыми выдающимися умами. Геніальныя англійскіе и французскіе философы и ученые XVII столѣтія, Френсисъ Бэконъ, Декартъ, Паскаль, Мальбраншъ и друг., кладутъ ее въ основаніе своихъ разсужденій о новыхъ способахъ и методахъ, къ которымъ наука впредъ должна прибѣгать для того, чтобы люди дѣлали все большіе успѣхи въ изслѣдованіи и покореніи себѣ природы и въ общемъ познаваніи законовъ жизни **). Еще дальше этихъ философовъ, разумѣвшихъ подъ прогрессомъ человѣчества, повидимому, только прогрессъ въ наукахъ, въ особенности естественныхъ и философскихъ, а также въ практическомъ примѣненіи добытыхъ ими знаній, вскорѣ пошли мыслители XVIII вѣка. Уже великій философъ Лейбницъ, являясь какъ бы посредникомъ между XVII

*) *Lucretius*: „De rerum natura“ V, 1434—1455. Болѣе подробное изложеніе эпикурейской теоріи Лукреція читатель можетъ найти, наприм., въ слѣдующихъ двухъ сочиненіяхъ моихъ: „Эпикуреизмъ и его отношенія къ новѣйшимъ теоріямъ естественныхъ и философскихъ наукъ“ (Одесса, 1889 г.) и „Отрывокъ изъ поэмы Лукреція. *Lucretius*: De rerum natura V, 780—1455.“ (переводъ въ стихахъ, съ примѣчаніями, помѣщенный въ февральской книжкѣ *Вѣстника Европы* за 1893 г.).

**) См. *Fr. Bacon*: „Of the proficiencie and advancement of learning divine and human“ (London, 1605). *Descartes*: „Discours de la methode“ (Leyde, 1637), въ особ. глава 6-я. *Pascal*: „Traité du vide“ (Paris, 1651). *Malebranche*: „De la recherche de la vérité“ (Paris, 1674).

я XVIII столѣтіями, понималъ прогрессъ человѣчества несравненно шире: въ своей знаменитой монадологіи онъ училъ, между прочимъ, что подобно всѣмъ другимъ монадамъ или душевнымъ субстанціямъ, составляющимъ міръ, и разумныя человѣческія души подлежатъ общему закону развитія, и что онѣ, первоначально лишеныя сознанія и разума, только постепенно достигли сперва сознательнаго, а затѣмъ и разумнаго состоянія, такъ что ничто не препятствуетъ тому, чтобы онѣ, не оставляя своей нравственной природы, которая, разъ пріобрѣтенная ими, больше уже не можетъ быть потеряна, достигли еще высшихъ ступеней развитія и «такого усовершенствованія, о которомъ мы теперь не можемъ имѣть никакого представленія».

Вслѣдъ за раціоналистомъ Лейбницемъ, провозгласившимъ въ своей «Теодицеѣ» знаменитый оптимистическій девизъ, что «все къ лучшему въ лучшемъ изъ возможныхъ міровъ», раціоналистическое движеніе умовъ XVIII в., въ соединеніи съ эмпиристическими, сенсуалистическими и матеріалистическими ученіями тогдашнихъ англійскихъ и французскихъ философовъ, какъ Гоббсъ, Локке, Берклей и Ньютонъ, съ одной стороны, и Гассенди, Кондильякъ, Дидро, Гольбахъ и проч.—съ другой, сдѣлала то, что, бывшая первоначально только отвлеченною концепціей философовъ, идея о прогрессѣ человѣчества, обнаруживающемся, по ученію этихъ, а также и другихъ писателей, во всѣхъ проявленіяхъ человѣческой цивилизаціи, къ концу XVIII столѣтія сдѣлалась почти всеобщей вѣрою и, такъ сказать, практической религіею, которая служила руководствомъ не только для образованныхъ людей, съ такъ называемыми энциклопедистами во главѣ, но и для народныхъ массъ, и въ концѣ концовъ привела цѣлую націю, тяготившуюся своими отсталыми политическими и социальными учрежденіями, даже къ рѣзкому фактическому выраженію своей вѣры въ лучшее будущее, къ великой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и столь печальной, французской революціи 1789 года.

Между мыслителями XVIII столѣтія, которые наиболѣе систематически развиваютъ свои идеи о прогрессѣ человѣчества, самое выдающееся мѣсто занимаютъ Тюрго и Кондорсе у французовъ, а Лессингъ, Гердеръ и Кантъ у нѣмцевъ *). Въ особенности первый изъ этихъ писателей, благородный Тюрго, оставилъ намъ интересныя разсужденія объ этомъ вопросѣ, изложенныя въ его знаменитыхъ трактатахъ «О послѣдовательныхъ успѣхахъ человѣческаго ума» и «О всеобщей исторіи», вышедшихъ еще за 39 лѣтъ до начала французской революціи. Крупными, но мѣткими штрихами онъ рисуетъ здѣсь исторію и законы развитія человѣчества, выставляя при

*) *Turgot*: „Discours sur les progrès successifs de l'esprit humain“ (Paris, 1750) и „Plan de deux discours sur l'histoire universelle“ (Paris, 1750). См. новое изданіе „Oeuvres de Turgot“, вышедшее подъ редакціей E. Eaire, vol. II (Paris, 1884), p. 597—611 и 626—671. *Condorcet*: „Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain“ (Paris, 1794). *Lessing*: „Erziehung des Menschengeschlechtes“ (1780). *Herder*: „Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit“ (1784—90). *Kant*: „Ideen zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht“ (1784).

этомъ, главнымъ образомъ, значеніе напряженія или труда, составляющаго, по его убѣжденію, всю задачу и цѣль земного существованія человѣка, и усматривая воспитательную и двигающую впередъ, въ большинствѣ случаевъ, силу даже въ ошибкахъ, дѣлаемыхъ людьми какъ въ области наукъ и всякаго рода искусствъ, такъ и въ области политическихъ и социальнo-правственныхъ отношеній. Безъ ошибокъ, безъ страстей, безъ революцій жизнь и движеніе, а вмѣстѣ съ ними познаніе истины и добра — немыслимы. Подобно тому, — восклицаетъ Тюрго съ Лейбницевскимъ оптимизмомъ, — какъ морскія волны, поднятыя бурей, послѣ нея снова улегаются, такъ исчезаетъ постепенно и неразлучное со всякой революціей зло, остается добро, и человѣчество постоянно совершенствуется.

Менѣе подробно, но съ такой же опредѣленностью изложилъ и Кантъ свое представленіе о прогрессѣ человѣчества. Полагая, что исторія нашего рода должна быть построена въ согласіи съ цѣлесообразнымъ планомъ природы, существованія котораго онъ, однако, не доказываетъ, кенигсбергскій философъ развиваетъ свои идеи о возможности достиженія совершенства въ слѣдующихъ, резюмируемыхъ мною вкратцѣ, положеніяхъ: такъ какъ всѣ естественныя наклонности человѣка, — говоритъ Кантъ, — направлены къ полному и цѣлесообразному развитію, а вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе ихъ разумнаго основанія, могутъ и должны найти себѣ это развитіе въ цѣломъ человѣческомъ родѣ, а не въ отдѣльной личности, то величайшая и хотя труднѣйшая, но всетаки исполнимая задача для человѣчества состоитъ въ выработкѣ такого совершеннаго, какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ, общественнаго и государственнаго строя, при которомъ частная воля добровольно и охотно повиновалась бы волѣ всеобщей, и при которомъ природа могла бы наилучше и наиболее развивать всѣ наклонности и способности, данныя ею человѣчеству.

Невозможно, даже вкратцѣ изложить здѣсь еще другія идеи о прогрессѣ человѣчества, которыя были высказаны въ безчисленныхъ сочиненіяхъ философовъ, историковъ и естествоиспытателей XVIII и въ особенности истекшаго недавно XIX столѣтія. Скажу только, что наибольшимъ развитіемъ своимъ идея о прогрессѣ обязана сдѣланному въ послѣднее пятидесятилѣтіе примѣненію къ ней той гениальной и всѣмъ извѣстной эволюціонной теоріи современнаго естествознанія, которая учитъ, что во вселенной совершается, обусловленный механическими причинами и закономъ борьбы за существованіе, всеобщій вѣчный процессъ прогрессивнаго развитія, обнаруживающійся во всѣхъ проявленіяхъ какъ неорганическаго, такъ въ особенности органическаго міра и долженствующій постепенно приводить людей къ полному согласію съ окружающими ихъ внѣшними условіями жизни *).

Идеи о прогрессѣ человѣчества, развитыя въ указанныхъ мною до сихъ

*) Прекрасное изложеніе построеннаго на этой теоріи новаго міровоззрѣнія читатель найдетъ въ посмертной книгѣ *Vetter'a*, изданной *Haackel'emъ*: „Die moderne Weltanschauung und der Mensch“ (Jena, 1894).

поръ научныхъ сочиненіяхъ, получили еще большее, но иногда пагубное значеніе для публики съ тѣхъ поръ, какъ онѣ подъ тѣмъ или другимъ видомъ стали подноситься ей, въ особенности социалистами и коммунистами, въ популярномъ и не придерживающемся сухой, строго-логической системы изложенія литературныхъ произведеній скорѣе беллетристическаго и фантастическаго характера, авторы которыхъ старались поэтически-живыми красками нарисовать картину или предполагаемаго уже существующимъ гдѣ-то идеальнаго государства, или предполагаемаго прогресса и будущаго «золотого вѣка» всего человѣчества вообще *).

Первая выдающаяся попытка такого рода была сдѣлана еще въ древности великимъ философомъ Платономъ въ трехъ діалогахъ («Критій», «Государство» и «Законы»), которые получили вполнѣтствии чрезвычайно большое вліяніе на литературныя произведенія подобнаго рода, появлявшіяся со временъ Возрожденія, и потому по справедливости должны считаться ихъ прототипами. Въ первомъ изъ названныхъ діалоговъ, дошедшемъ до насъ, къ сожалѣнію, въ фрагментарномъ состояніи, гениальный греческій мыслитель нарисовалъ фантастическую картину того политическаго и соціальнаго положенія, въ которомъ будто бы за 9000 лѣтъ до того находились государства Аѳинъ и мѣняческаго острова Атлантиды. Несмотря на виѣшній сходства, оба эти государства являются противоположными другъ другу. При раздѣлѣ земли Аѳины достались Аѳинѣ и Гефесту, олицетвореніямъ идеаловъ мудрости, храбрости и любви къ искусствамъ, а Атлантида—Посейдону, олицетворенію мореплаванія и коневодства. Согласно съ этимъ конечной цѣлью второго государства являются наслажденіе жизнью и виѣшній блескъ, доставляемый торговлей и промышленностью, а перваго—пріученіе гражданъ ко всему доброму и прекрасному. Тамъ мы видимъ могущественное царство, въ которомъ первую роль играютъ сила и богатство, а здѣсь—свободное гражданство, жизнью котораго руководятъ умъ и добродѣтель. Къ сожалѣнію, діалогъ обрывается какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Платонъ хотѣлъ изобразить, какимъ образомъ между обоими этими государствами произошло неизбежное столкновение, и кому изъ нихъ при этомъ досталась побѣда. Для дополненія представленій Платона объ идеальномъ государствѣ, мы поэтому должны прибѣгнуть къ другимъ выше-названнымъ діалогамъ его, въ которыхъ онъ изложилъ эти представленія въ иной формѣ и по иному замыслу. Особенно замѣчательнымъ является діалогъ «Государство», въ десяти книгахъ котораго возведено величественное зданіе философіи права, заключающее въ себѣ всѣ проявленія человѣческаго познанія и основанное цѣликомъ на понятіи о справедливости. Въ блестящей діалектической рѣчи Платонъ излагаетъ здѣсь, какимъ образомъ чувство недостаточности и безсилія отдѣльной личности служить источникомъ происхожденія государствъ, и какъ эти искусственные орга-

*) Ср. *Morley's Universal Library: „Ideal commonwealths“* (London, 1889) и *„Schlarffia politica. Geschichte der Dichtungen vom besten Staate“* (Leipzig, 1892).

низмы дѣлаются тѣмъ болѣе необходимыми, чѣмъ многообразнѣе и уточненнѣе становятся потребности людей, вышедшихъ изъ первоначальнаго идиллическаго или патріархальнаго состоянія. Это первоначальное состояніе, однако, не представляется Платону идеальнымъ, какимъ оно казалось впоследствии особенно женеvesкому философу Руссо. Напротивъ, онъ полагаетъ, что не только изящныя искусства, но и само понятіе о справедливости могло возникнуть только при болѣе развитомъ общеніи людей, когда миновало первобытное состояніе ихъ, «достойное,—какъ онъ говорить,—свиней». Основами идеальнаго государства Платонъ выставляетъ слѣдующія три положенія: 1) верховная власть должна принадлежать свѣдущимъ лицамъ, именно философамъ; 2) все гражданскія должности должны быть поручаемы только вполне пригоднымъ для нихъ лицамъ, и 3) государство должно опираться на общность женъ и на полный коммунизмъ. Особенно любопытны доводы Платона въ пользу равноправія женщинъ, признавая которое, онъ энергично заступаетъ за то, чтобы женщинамъ давать такое же хорошее и тщательное воспитаніе и образованіе, какъ и мужчинамъ. Одинаково оригинальны взгляды Платона и относительно вопроса, какимъ образомъ должна осуществляться общность женъ. Требуемое имъ при этомъ метаніе жребія сводится къ тому, чтобы въ интересахъ государства правителями-философами производился раціональный подборъ женщинъ и мужчинъ, соответствующій тому, который производится скотоводами.—Подробное изложеніе практическаго выполненія всехъ этихъ теоретическихъ положеній составляетъ содержаніе третьяго изъ выше-названныхъ діалоговъ Платона, «Законовъ», которые еще въ болѣе высокой степени, чѣмъ первые два, послужили образцомъ для позднѣйшихъ изображеній идеальнаго социалистическаго или коммунистическаго государства.

Между позднѣйшими подражателями греческаго философа первое по времени и значенію мѣсто занимаетъ извѣстный англійскій канцлеръ Thomas More (по латыни *Morus*), который въ 1516 г. написалъ знаменитый фантастическій, но полный удивительно вѣрныхъ предсказаній трактатъ объ идеальномъ государствѣ на островѣ Утопіи, «нигдѣ не существующемъ» (*De optimo reipublicae statu deque nova insula Utopia*), трактатъ, который вскорѣ сдѣлался, на ряду съ Платоновскими картинами, образцомъ для подобныхъ произведеній, доставляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и крылатое названіе для такихъ фантазій—«утопій». Вслѣдъ за итальянскимъ философомъ Кампанелла, авторомъ сочиненія о «Солнечномъ государствѣ» («*Civitas solis*»), вышедшаго въ 1620 г., и многими другими, какъ, напр., англичаниномъ Harrington'омъ и французами Vairasse и особенно Cabot, утопіи Мора подражали многочисленные писатели въ особенности нашего времени*). Между ними первое мѣсто по талантливости занимаетъ, пожалуй, америка-

*) Кроме выше-названныхъ утопій особенно интересны еще слѣдующія: Bacon: „Nova Atlantis“ (между 1621 и 1626); Mercier: „L'an 2440“ (Amsterdam, 1770); Hertzka: „Freiland. Ein sociales Zukunftsbild“ (Lpz., 1890).

нецъ Беллами, авторъ столь извѣстнаго и разошедшагося въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ фантастическаго разсказа «Looking backward» (1888 г.), въ которомъ рисуется свѣтлая, но вызывающая въ насъ все-таки много сомнѣній и возраженій картина счастливой жизни человѣчества въ 2000 году. Тогда, какъ полагаетъ Беллами, люди будутъ жить въ полномъ взаимномъ согласіи, которое обусловлено правильнымъ распредѣленіемъ между всѣми работъ и вознагражденій. Всѣ служатъ одному только государству, какъ цѣлому, и отъ него же получаютъ все необходимое для своей высоко-культурной жизни. Всѣ произведенія человѣческихъ рукъ принадлежать только государству и имъ же распредѣляются между индивидуумами безъ посредства денегъ. Довольство и миръ царятъ вездѣ, и для человѣческихъ страстей и пороковъ въ этомъ идеальномъ государствѣ нѣтъ мѣста.

Если въ виду всѣхъ изложенныхъ мною до сихъ поръ болѣе или менѣе научныхъ, съ одной стороны, и болѣе или менѣе фантастическихъ, съ другой, представленій о будущемъ развитіи человѣчества и воображаемомъ будущемъ «золотомъ вѣкѣ» мы теперь спросимъ, каково значеніе этихъ представленій, то, не имѣя возможности подробнѣе разбирать здѣсь этотъ въ высшей степени сложный вопросъ, я позволю себѣ отвѣтить на него только краткимъ изложеніемъ нѣкоторыхъ общихъ, а затѣмъ частныхъ соображеній *).

Въ противоположность тѣмъ людямъ, которые со свойственнымъ въ особенности меланхолическимъ натурамъ пессимизмомъ, или съ характеризующимъ праздность и лѣнь равнодушіемъ утверждаютъ, что жизнь человѣчества по существу своему представляетъ собою или движеніе назадъ, или же неподвижность при всѣхъ перемѣнахъ, какъ ее опредѣлили еще царь Соломонъ словами: «нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ», я не могу не полагать, что каждому безпристрастному наблюдателю, который на эту жизнь будетъ смотрѣть съ твердой и свѣтлой точки зрѣнія разума и съ высоты современнаго знанія естественныхъ и историческихъ наукъ, она должна казаться вообще движеніемъ впередъ или прогрессомъ, несмотря на то, что мы собственно не знаемъ цѣли этого движенія, и что поэтому строгая современная наука, отвергающая всякую телеологію, можетъ признавать за этими представленіями только относительное значеніе.

Послѣ этой оговорки принятое нами представленіе о прогрессѣ чело-

*) Изъ числа сочиненій, которыми я пользовался при составленіи нижеслѣдующаго очерка, я укажу только самыя важныя: *Pelletan*: „La loi du progrès. Le monde marche“ (6-е édition. Paris, 1881). *Javary*: „De l'idée du progrès“ (Paris, 1851). *Pfleiderer*: „Die Idee eines goldenen Zeitalters“ (Berlin, 1877). *L. Büchner*: „Der Fortschritt in Natur und Geschichte, im Lichte der Darwinschen Theorie“ (Stuttgart, 1884). *Carus Sterne*: „Plaudereien aus dem Paradiese“ (Wien u. Teschen, 1886). *Bodnar*: „Das Gesetz unseres geistigen Fortschrittes“ (Lpz., 1893). *Barth*: „Die Frage des sittlichen Fortschrittes der Menschheit“ (въ Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie, 1899, p. 75—116). *Карповъ*: „Основные вопросы философіи исторіи“. Часть II: „Научныя основы теоріи прогресса“ (2-е изд. Спб., 1887 г.). *Якобуль*: „Въ поискахъ лучшаго будущаго“ (Спб., 1893 г.), стр. 85—150. *Лоскутовъ*: „Духовный прогрессъ и счастье“ (Спб., 1895 г.).

вѣчества имѣть въ виду такое развитіе нашего рода, при которомъ постепенно дифференцирующіяся силы его, съ одной стороны, становятся все болѣе разнообразными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, соразмѣрными съ внѣшними условіями какъ матеріальной, такъ и духовной жизни, а съ другой стороны — все болѣе объединяются, укрѣпляются и улучшаются стремленіемъ людей къ единой идеальной цѣли, постоянно возвышаемой и потому удаляемой ими самими, къ полному взаимному согласованію руководящихъ нашей жизнью принциповъ эгоизма и альтруизма и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ нравственной автономіи людей, т.-е. къ тому противоположному гетерономіи или подчиненію чужой волѣ состоянію ихъ, когда каждое наше моральное дѣйствіе является проявленіемъ нашего внутреннего существа, или результатомъ дѣйствительнаго убѣжденія нашего разума и дѣйствительнаго влеченія нашего сердца.

Приступая послѣ этихъ общихъ соображеній къ болѣе точному разъясненію принятаго нами представленія о прогрессѣ, разсматриваемомъ нами не какъ непрерывное и идущее всегда по прямому пути движеніе впередъ или какъ постоянное восхожденіе вверхъ, а какъ нѣчто похожее на спираль, круговыя линіи которой то поднимаются, то понижаются, но вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно достигаютъ все большей высоты, я прежде всего утверждаю, что было бы слѣпымъ и смѣшнымъ безразсудствомъ, если бы кто-нибудь хотѣлъ отрицать прогрессъ человѣчества въ объективномъ знаніи и техническомъ примѣненіи его къ ремесламъ и искусствамъ, и вообще ко всей жизни человѣческой. Невозможно даже перечестъ тѣ громадныя успѣхи, которые всѣ науки сдѣлали со времени ихъ возникновенія до нашихъ дней, а въ особенности въ послѣднее столѣтіе. Благодаря имъ человѣческое знаніе во многихъ областяхъ достигло уже замѣчательной глубины, а вмѣстѣ съ тѣмъ оно распространяется и въ ширину. Вслѣдствіе популяризаціи наукъ общіе результаты ихъ проникаютъ теперь во всѣ слои общества, и умственное развитіе людей низшихъ классовъ въ наши дни несравненно выше, чѣмъ оно было въ прежнія, даже не такъ давно минувшія времена. Правда, едва ли можно утверждать, что вмѣстѣ съ развитіемъ знаній и носители ихъ, т.-е. люди, какъ отдѣльные субъекты, одаренные различными умственными способностями, сдѣлались вообще умнѣе и даровитѣе; напротивъ, нѣкоторыя способности ихъ ума, не имѣющія теперь такого значенія и примѣненія, какъ прежде, кажется, даже отчасти ослабѣли съ теченіемъ времени, какъ, напр., память и фантазія; кромѣ того, все увеличивающаяся спеціализація наукъ, къ которой насъ привело развитіе знаній, лишаетъ весьма многихъ людей способности и даже возможности ясно и отчетливо обозрѣвать всю область наукъ и сохранять всегда въ цѣльной гармоніи выводы, полученные послѣдними въ совокупности; но такія явленія должны считаться преходящими и могутъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока наукѣ не удастся дойти до извѣстной высоты, гдѣ она, подобно путешественнику, могла бы словно отдохнуть на время для того, чтобы, сосредоточившись на важнѣйшихъ общихъ вы-

водахъ и освободившись отъ всего балласта, сдѣлавагося для нея уже ненужнымъ, взбираться на новыя, болѣе высочія вершины, пока, наконецъ, не дойдеть до тѣхъ предѣловъ, дальше которыхъ человѣческому знанію вообще, вѣроятно, не суждено идти.

Усматривая причину такого постояннаго и только изрѣдка останавливающегося прогресса теоретическихъ знаній человѣчества въ томъ, что эти знанія могутъ быть передаваемы одними людьми и поколѣніями другимъ и поэтому все болѣе и болѣе должны суммироваться и капитализироваться, я полагаю, что то же самое совершается и въ области практическаго добра, коллективно достигаемаго всѣмъ человѣчествомъ. Несомнѣнно, что такой прогрессъ практическаго добра обнаруживается не только въ постоянно, хотя и постепенно, улучшающемся устройствѣ государствъ и подобныхъ имъ социальныхъ учреждений, но въ особенности и въ томъ, что общественныя убѣжденія и взгляды становятся все чище и лучше, а общественная совѣсть, имѣющая столь громадное вліяніе на образъ жизни отдѣльныхъ людей, все чувствительнѣе, тоньше и строже, какъ это прекрасно показалъ Letourneau въ своей извѣстной книгѣ «L'Évolution de la morale» (Paris, 1887). Но если безличная и коллективная нравственность человѣчества несомнѣнно прогрессируетъ, такъ что, напр., разные, существовавшіе прежде и отчасти даже не такъ давно, обычаи, нравы и учрежденія, какъ каннибализмъ, рабство, крѣпостничество, варварское угнетеніе женщины, инквизиція, религіозная нетерпимость и т. п., въ наше время являются уже немислимыми «анахронизмами», по крайней мѣрѣ, у большинства передовыхъ народовъ, то спрашивается, не обязаны ли мы всѣмъ этимъ прогрессомъ скорѣе однимъ только успѣхамъ законности, т. е. добровольнаго соблюденія обусловливаемыхъ общими интересами законовъ, чѣмъ дѣйствительному улучшенію личнаго нравственнаго чувства отдѣльныхъ людей-индивидуумовъ. Я боюсь, что на этотъ весьма трудный и щекотливый вопросъ намъ придется отвѣтить въ смыслѣ признанія невозможности, при теперешнемъ состояніи нашихъ знаній, доказать существенно-замѣтный общій прогрессъ автономной нравственности человѣка, такъ какъ всѣ добытыя до сихъ поръ біологическія и психологическія данныя, повидимому, скорѣе указываютъ на то, что дѣти только весьма рѣдко и только отчасти наследуютъ отъ родителей развившіяся въ этихъ послѣднихъ нравственныя качества, и что почти всегда они всѣ сами и сызнова должны постепенно вырабатывать въ себѣ эти чисто-личные качества. Только при такомъ предположеніи объясняется тотъ фактъ, что субъективно-нравственныя черты характеровъ людей въ теченіе цѣлыхъ столѣтій и даже тысячелѣтій почти не измѣнились къ лучшему, а приняли лишь иныя выраженія. Зло, которое существовало прежде, существуетъ еще и теперь и навѣрное всегда будетъ существовать рядомъ съ добромъ, подобно тому, какъ по прекрасному выраженію Евангелія, плевелы должны расти вмѣстѣ съ пшеницей, пока не настанетъ время жатвы. Безъ борьбы противоцоложныхъ началъ, вѣдь, немислима жизнь на землѣ.

Вотъ въ немногихъ словахъ тѣ основанія, найденныя нами при спокойномъ обсужденіи вопроса, съ которыми идея о прогрессѣ человѣчества должна считаться. Въ какомъ же свѣтѣ, въ виду такихъ принципиальныхъ данныхъ, представится намъ теперь картина рисующагося воображенію столь многихъ людей будущаго золотого вѣка, какъ полагаютъ, всеобщаго блаженства и добродѣтели?

Прежде всего мнѣ кажется, что относительно внѣшнихъ благъ этого вѣка большинство людей нашего времени питаетъ весьма одностороннія иллюзіи. Конечно, благодаря постоянному прогрессу знаній, человѣку все болѣе и болѣе будетъ удаваться посредствомъ открытій и изобрѣтеній становиться властелиномъ сокровищъ природы. Но, оставляя здѣсь въ сторонѣ вопросъ о неистощаемости этихъ сокровищъ, не могущей не представляться нѣсколько сомнительной въ виду зависимости жизни земли отъ дѣйствій солнца и другихъ міровыхъ силъ, приобретаемая человѣчествомъ путемъ знаній выгоды и блага неминуемо будутъ сопровождаться разнаго рода жертвами, невыгодами и даже зломъ и бѣдствіями, полное устраненіе которыхъ едва ли когда-либо окажется возможнымъ. «Гдѣ много свѣта, тамъ и много тѣни», — говоритъ поэтъ. Вслѣдствіе постоянного увеличенія населенія земли и чудовищнаго роста городовъ конкуренція будетъ все болѣе усиливаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ пользованіе добытыми наукою и техникою благами будетъ постепенно затрудняться для отдѣльныхъ лицъ. Столь сильно волнующій умы нашего времени социальный вопросъ, составляющій уже нынѣ во многихъ культурныхъ государствахъ самую животрепещущую и даже полную опасностей злобу дня, при всѣхъ гуманныхъ стараніяхъ и несмотря на всѣ улучшенія и коренныя реформы, которыхъ человѣчество современемъ несомнѣнно достигнетъ и въ этой области, едва ли когда-нибудь удастся разрѣшить въ воображаемомъ, напримѣръ, Беллами и другими социалистами и коммунистами «идеальномъ» смыслѣ, являющемся въ дѣйствительности весьма сомнительнымъ; едва ли человѣчество когда-нибудь найдетъ такой справедливый и удовлетворяющій всѣхъ исходъ изъ множества представляющихся здѣсь затрудненій, благодаря которому экономическое положеніе всѣхъ людей, столь непохожихъ другъ на друга не только по своимъ физическимъ силамъ и умственнымъ способностямъ, но и по своимъ нравственнымъ наклонностямъ, по трудолюбію и т. п. качествамъ, могло сдѣлаться вполне хорошимъ и служить основаніемъ всеобщаго благоденствія. Что же касается гигиеническихъ условій жизни, то они, повидимому, несмотря на величайшія открытія въ этой области, предстояція еще людямъ, будутъ отчасти даже ухудшаться, такъ какъ вмѣстѣ съ культурой будетъ увеличиваться физическая и душевная чувствительность или нервность людей, а, какъ результатъ этого, и расположеніе къ болѣзнямъ. Едва ли медицина будетъ когда-нибудь въ состояніи найти настоящую панацею, т. е. вполне дѣйствительное средство для борьбы съ этими бѣдствіями.

И въ духовно-соціальной жизни будущаго человѣчества, рядомъ со

свѣтлыми сторонами, навѣрное, будутъ и темныя. Правда, все болѣе и болѣе широкое распространеніе среди людей знаній и всеобщаго образованія сдѣлаетъ то, что вслѣдствіе лучшаго уразумѣнія своихъ матеріальныхъ и идеальныхъ интересовъ и потребностей люди современемъ будутъ жить въ лучшемъ согласіи другъ съ другомъ, ища взаимной поддержки и дружбы, и какъ «*ἡ πόλις πολιτικά*» будутъ стремиться къ вѣчному миру, избѣгая раздоровъ и войнъ и разрѣшая споры между цѣлыми націями, точно такъ же какъ между отдѣльными частными лицами, посредствомъ третейскихъ судовъ; но всѣ эти и тому подобныя успѣхи въ соціальной и политической жизни будутъ, какъ мнѣ кажется, результатами не столько сердечнаго чувства людей, сколько предусмотрительности, разсудительнаго разчета и соблюденія законности, а автономная нравственность или добродѣтель едва ли когда-нибудь сдѣлается всеобщимъ достояніемъ людей. Какъ бы близко, однако, люди ни подходили современемъ, можетъ быть, къ этому достоянію, составляющему основную черту въ представленіяхъ о золотомъ вѣкѣ, счастье ихъ отъ этого не сдѣлается существенно болѣшимъ. Абсолютнаго блаженства вообще не существуетъ и не можетъ существовать для человѣка. Рефлексъ нашихъ чувствъ почти не знаетъ ни постоянного увеличенія добра, ни постоянного увеличенія зла; добро и зло суть для насъ только относительныя величины, и дикій варваръ можетъ чувствовать себя относительно такъ же удовлетвореннымъ и счастливымъ, какъ и человѣкъ высоко-развитой культуры.

Но для чего тогда намъ трудиться и предаваться все новымъ и новымъ стремленіямъ? Для чего намъ нуженъ прогрессъ? Для того, чтобы не идти назадъ и чтобы непрерывной работой, этимъ единственнымъ источникомъ добродѣтели, какъ справедливо замѣчаетъ Гердеръ, не только сохранить, согласно требованію Гётевскаго Фауста, и увеличить для насъ и для нашихъ потомковъ доставшееся намъ отъ предковъ духовное и матеріальное достояніе, но и самимъ себѣ найти въ трудѣ то полное удовлетвореніе и счастье, которое онъ одинъ только въ состояніи доставить намъ благодаря тому, что имъ обнаруживаются и развиваются всѣ скрывающіяся въ насъ природныя силы и способности, ищущія примѣненія. Если поэтому исторія по справедливости можетъ быть разсматриваема какъ постепенное развитіе и довершеніе самосознанія и автономіи человѣчества, то и незнаніе нами конечной цѣли этого развитія и довершенія сравнительно немаловажно, если человѣкъ можетъ найти удовлетвореніе въ работѣ, плоды которой служатъ не только для него одного, но и для другихъ. Золотой вѣкъ человѣчества, который фантазія людей относитъ то къ началу, то къ концу земнаго существованія нашего рода, видя въ немъ какое-то эльдорадо абсолютнаго блаженства, никогда не существовалъ и никогда не будетъ существовать. Но если мы, послѣ всего сказаннаго мною, будемъ подразумѣвать подъ нимъ такое время, когда человѣчество найдетъ удовлетвореніе и счастье въ безустанномъ трудѣ и стремленіи къ развитію и довершенію своего внутренняго достоинства и своей нравственной автоно-

ми, то этотъ золотой вѣкъ могъ бы существовать и теперь, и отъ насъ однихъ только зависитъ, достанется ли намъ то счастье, которое онъ несетъ съ собой. «Царство Божіе внутри васъ самихъ»,—говоритъ уже евангелистъ Лука. Кто носитъ небо въ своемъ чистомъ сердцѣ, тотъ содѣйствуетъ и распространенію этого неба на землѣ.

Я постарался въ бѣгломъ очеркѣ изложить не только исторію, но и значеніе идеи о золотомъ вѣкѣ человѣчества. Относительно реальности такого вѣка мы пришли къ отчасти отрицательнымъ выводамъ. Но вмѣстѣ съ этимъ въ представленіяхъ о золотомъ вѣкѣ, какъ прошломъ, такъ и будущемъ, мы нашли ту побуждающую человѣчество къ самоусовершенствованію идеальную сторону, которая, какъ частица вѣчной истины, можетъ служить намъ утѣшеніемъ, и потому по отношенію ко всей совокупности этихъ представленій мы имѣемъ право воскликнуть съ нашимъ великимъ поэтомъ:

Тьмъ невзкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

F

24.045